№ 58 — 59 Май — Июнь 1935 года Цена 15 сентов

P / 4-4
OC 1-105

ПРОБУЖДЕНИЕ
PROBUZDENIE

«Свобода неделима. Нельзя урезать часть, не убив целое».
М. Бакунин.

Рос 4-4
1-105

ПРОБУЖДЕНИЕ

ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ РАБОЧИХ СОЮЗОВ БЕЗВЛАСТНИКОВ
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И КАНАДЫ

PROBUZHDENIE
9219 RUSSELL STREET DETROIT, MICH.

№ 58—59. МАЙ—ИЮНЬ 1935 Г.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА 13 ОТДЕЛ им. В. И. ЛЕНИНА
64-199

СОДЕРЖАНИЕ: ПЕРЕДОВАЯ. ИГРА судьбою людей. — ЖАН ГРАВ. Как уничтожить капитализм?. — АВТОНОМОВ. Опыты Рузвельта. — М. РУБЕЖАНИН. Древне-римские диктаторы и мы (продолжение). АНАТОЛИЙ ГОРЕЛИК. Интересы группы и интересы анархии. — М. П. САЖИН. Поездка в Герцеговину. — А. СЛИПАЧУК. Будильник мысли. — АНАТОЛИЙ ГОРЕЛИК. О товариществе.

ИГРА СУДЬБОЮ ЛЮДЕЙ

Демократы утверждают, что фашистский режим — неизбежность войны. Большевики доказывают, что существование и процветание капитализма без войны немыслимо. Монархисты твердят, что самая страшная угроза миру — большевизм. Одним словом, каждый старается выставить своего политического противника в роли зачинщика войны. А поэтому на политическом фронте — шум и гам. Море дипломатии ходуном ходит.

Министры мчатся из столицы в столицу —не только в поездах, но и на аэропланах. Свистопляска открылась свиданием Лаваля с Муссолини. Последовало затем свидание представителей Франции, Англии и Италии в Париже. Затем — поездка Саймона и Идена в Берлин, а оттуда — Идена в Москву, а на обратном пути в Варшаву и Прагу. Поездка Лаваля в Москву и Варшаву. Конференция в Стрезе. Заседание Лиги Наций по поводу жалобы Франции на Германию. Франко-советский договор. Соглашение Германии с Польшей. Восточное Локарно. Союз придунайских стран. Одним словом, визиты и визиты, поездки и поездки, заседания и заседания.

Официальным виновником всех этих поездок и совещаний считается Гитлер, нарушивший Версальский договор. Слов нет, Гитлер своим указом о введении в Германии обязательной воинской повинности значительно встревожил дипломатический муравейник, но, как нам кажется, и без этого злополучного жеста Гитлера дипломаты носились бы с портфелями под мышкой из страны в страну. Ведь в этом заключается вся их работа. Для чего, в самом деле, существуют министерства иностранных дел? Только для того, чтобы вести игру на арене международной политики.

Кому приходилось хоть немного на

своем веку путешествовать, тот легко представит во что обходится эта игра. Мы знаем, например, как трудно рабочему собрать сумму денег, достаточную на проезд из Америки в Европу. Дипломаты же совершают часто чуть-ли не кругосветные путешествия, — и путешествуют они всегда первым классом, при том с целым штабом служащих. Останавливаются они в самых дорогих гостиницах, кушают в шикарных ресторанах. А балы, а пиршества какие иногда устраивают? Столы ломятся от яств, глаза слипаются от блеска брильянтов, украшающих жен дипломатических особ. Одним словом, дипломатия стоит много денег. Люди ничего не производят — только пожирают народное добро. Весь их труд заключается в том, что им приходится иногда произнести речь, подписать клочек бумаги, да выкурить несколько сигар на заседании. И за это в их распоряжении — автомобили, особняки, дорогие наряды, заграничные вина, и, конечно, слава и власть.

Хуже всего, однако, то, что дипломаты играют не мертвыми пешками, а живыми людьми. На карту ставится судьба целой нации, целой страны. Достаточно одного неверного хода со стороны дипломата, чтобы на головы миллионов людей обрушились целые скорпионы бедствий. Не сам дипломат расплачивается за свои неудачи и ошибки, а население страны. Большинство русских крестьян, несомненно, ничего не знало о том, что происходило в Петербурге, Вене и Берлине в конце июля 1914 г., но впоследствии крестьяне эти вынуждены были поплатиться жизнью за то, что официальный Петербург и Берлин не могли сговориться.

Если верно, что у каждого человека есть какая-то судьба, то в наше время судьба огромного большинства людей находится в чужих руках.

Вот например, рабочий: куда бы он ни кинулся — он зависит от воли других.

Материальное положение рабочего все цело находится в руках работодателя. Захочет работодатель — бросит рабочему обглоданную кость, не захочет — не бросит. Никто его к этому не может принудить. Даже НРА — детище Рузвельта — для работодателя только клочек бумаги.

В политическом отношении судьба рабочего в полном распоряжении министров да президентов с королями. Захочется, например, Сталину и Литвинову — и миллионы людей будут посланы на убой. Одним росчерком пера Гитлер может ввергнуть всю страну в неописуемое бедствие. Страшное право дано правителям! Впрочем, разве кто давал им это право? Нет. Сами они его себе присвоили.

Совершенно непонятно, почему в конституциях некоторых стран написано о свободе и равенстве граждан. Какая может быть свобода или равенство, если большинство населения не знает — будет-ли завтра у него хлеб и не прикажут-ли итти в окопы. Слова о свободе и равенстве в буржуазных конституциях — одно лишь лицемерие. Свободой пользуются только богатые и власть имущие. Бедное же население — а оно составляет огромное большинство — лишено, как свободы, так и равенства.

В настоящее время почти во всех странах миллионы безработных: разве они по своей воле стали безработными? Миллионы молодых людей призваны под ружье: разве они свободно пошли туда? Нет, мир еще не дождался желанной свободы! Она идет, она придет, и тогда никто не будет иметь права морить голодом людей или играть их жизнью, как обыкновенными пешками. Тогда воцарится подлинная свобода, восторжествует подлинное равенство, а над всем этим будет развеваться гордое знамя Анархии. Тогда каждый смело скажет: я сам хозяин над собой, никто не должен играть моей судьбой и моей жизнью. Дипломаты и их игра отойдут в область преданий. Люди будут жить без дипломатов, без правителей и без работодателей. Такие явления, как война, совершенно будут забыты, ибо сами люди войны никогда не начинают, а тех, кто теперь начинает войны и посылает других на убой — тогда не будет.

JEAN GRAVE.

Как уничтожить капитализм?

Чтобы действительно освободиться, люди должны уничтожить целиком капиталстическую организацию, как экномическую, так и политическую.

Есть еще вполне благожелательные люди, которые пытаются работать над разрешением социального вопроса путем, того или иного закона, добиваясь его вотирования в парламенте, или путем создания организаций, деятельность которых, по их мнению, должна эманнсипировать их членов при наличии существующего капиталистического порядка.

Эти люди ничего не видят дальше своего носа, так как несчастья, которые они претендуют разрушить, вытекают из существующей организации. Эти несчастья можно усилить или ослабить, но их нельзя приостановить, если целебное средство оставит в неприкосновенности механизм, который их порождает.

Пытаясь излечить болезнь, оставляя причину, ее порождающую, называется на народном языке: «класть пластырь на деревянную ногу».

Необходимо дать понять людям, что если мы, анархисты, предлагаем революцию, т. е. полное уничтожение буржуазной организации, то это не потому, что мы предпочитаем это средство всем другим или думаем, что оно наиболее скорое, а потому, что все нам указывает, что и вся почва должна быть очищена от механизма современного общества, чтобы люди получили возможность свободно развиваться и положить начало новому порядку.

То, что до сих пор недостаточно отмечали — это, что все эти лечебные средства, которые нам предлагают — политические средства, а политика — буржуазная болтовня, которая должна исчезнуть с экономической организации, ее породившей. Как управители, делатели законов и те, которые их прилагают, так и все реформы ограничились бы только сменой лиц.

С 1789 г. мы имели около полдюжины революций, включая и один государственный переворот, которые меняли этих людей, но нам от этого ничуть не становилось лучше. Заместители продолжали ошибки или злоупотребления своих предшественников.

Не считая парламентской комедии постоянного перехода власти от одной партии к другой, позволяющей таким образом «министерствующему» персоналу, в порядке очереди, побывать у власти без того, чтобы после каждой мены, можно было заметить хоть на йоту лучше.

Давным давно пора бы уже покончить с этой комедией, существующей только для того, чтобы скрыть от тех, кто в этом заинтересован, в чем состоит истинное решение.

Не с помощью того или иного закона люди могут освободиться, а только своими собственными усилиями, вводя в жизнь те нормы, которые они считают для себя необходимыми.

В самом деле, что можем мы найти

Нелишне, в заключение, отметить, что в шумной свистопляске современных дипломатов далеко не последнее место занимает советское правительство. Оно трогательно об'единилось с другими правительствами — монархическими или буржуазно-демократическими. Теперь трудно отличить, где кончается Лаваль, а где начинается Литвинов—так тесно себя связали Париж и Москва.

Это еще раз доказывает правильность мнения анархистов — что все правительства, под каким бы флагом они ни возникали, в конце концов — одного поля ягоды. У всех у них одна и та же функция — властвовать и распоряжаться судьбами других. Разница лишь в том, что у одних из них функция эта выражена слишком ярко, а у других потускнее.

полезного в законодательстве до закона о синдикатах 1884 года, признавшего за ними право на существование, в котором им до того времени было отказано. Но обычно забывают, что трудящиеся всегда об'единялись для защиты от эксплоатации хозяев или, чтобы урвать кое-какие уступки у эксплоататоров. Гонимые, приговариваемые по суду, они не переставали пред'являть свои требования и практиковать право ассоциаций. И только благодаря этому постоянному «действию», власть решилась, наконец, признать за ними это право ассоциаций.

Только, как все законы, закон 1884 года, «разграничивая» права синдикатов, в действительности их ограничил. «Разграничить», разве это не значит: ставить пределы? И только потому, что синдикаты мало считались с этими «разграничениями», они достигли той мощи, которая может противопоставлять себя и власти.

И если рабочие добились признания за собой права об'единяться, то отнюдь уж не потому, что они предоставили себя в распоряжение политиков или ожидая, когда эти последние соизволят заинтересоваться их нуждами, но действуя сами, об'единяясь между собой, не взирая на запрещения, устанавливая те права, которых они добивались.

Только таким образом нужно действовать всякий раз.

Закон не создает права, а только его ослабляет, когда хочет его признать. Парламентаризм — это та игрушка, которая предназначена для тех, которые достаточно глупы, чтобы позволить себя увлечь этим. Даже вотированный, если заинтересованные в нем лица недостаточно энергичны, чтобы заставить уважать свои права, закон может быть легко потерян. А иногда случается и так, что ему придают совершенно другой смысл, какой хотел законодатель.

**
*

Некоторые «экономисты» не пытаются ли утверждать, что капиталисты, хозяева и др. получают только прибавочную стоимость, согласно своему труду и внесенному в дело капиталу, и что рабочие получают только «точную» часть своей работы.

Это большая ошибка. Капиталисты и хозяева могут получать излишек за свой труд или капитал только постольку, поскольку рабочий не получает полную стоимость своего труда и никогда его не получит, поскольку общество будет построено на капитале, на меновой стоимости и на наемном труде.

Впрочем, пока существует право одних контролировать труд других, то это всегда будет в пользу контролирующих и в ущерб контролируемым. И можно сколько угодно менять механизм, все равно будут: одни эксплоататорами, другие эксплоатируемыми.

То же самое получится, если право контроля перейдет от отдельных личностей всему обществу.

Конечно, положение этого большинства эксплоатируемых может быть ухудшено или улучшено — железный закон заработной платы допускает всегда колебания между худшим и плохим — но это большинство никогда не будет в состоянии удовлетворить всех своих потребностей, заработная плата будет всегда ниже цены, которую, благодаря вмешательству посредников, получают выделенные продукты перед тем, как стать предметами потребления.

Если хотят, чтобы каждый потреблял согласно своим потребностям, то для этого нужно, чтобы земли, машины, все те инструменты, которые требуют для своего функционирования общих усилий, наконец, — средства сообщения стали общим достоянием, находились в распоряжении тех, кто может их пустить в ход. Меновая стоимость и заработная плата должны исчезнуть.

Вред наемного труда показать легко.

Рабочий, например, зарабатывает 10 франков в день (всякая другая сумма приведет к тем же результатам). Допустим, что это сапожник. Он изготовляет одну пару ботинок в день. По справедливости, он должен был бы иметь право на свою пару ботинок.

Здесь мне могут заметить, что в эту

пару ботинок вошли: стоимость кожи и другие необходимые для ее производства материалы, труд закройщика, которые приводят к уменьшению части сапожника.

Однако, это только усложнило бы мне работу, увеличило бы до больших размеров, прежде, чем я пришел бы к моим заключениям, но не изменило бы их. Но я придерживаюсь этих соображений, если они достаточно кратки.

Так как человек не имеет нужды каждый день в новых ботинках, то стоимость своей лишней пары ботинок он мог бы употребить на удовлетворение своих других нужд.

Для примера, я взял сапожника, но, вполне понятно, что это относится ко всем видам труда, как, например, портной, кастрюльник или какой хотите другой рабочий.

Но в прожиточный минимум входит не только стоимость потребляемых продуктов, а также и стоимость труда или посредничества, которые не переводятся на предметы потребления.

Содержание президента республики, депутатов, чиновников, начиная от самого маленького, вплоть до самого крупного.

На заводах — оплата писцов, надзирателей, также увеличивающих стоимость изготовляемых продуктов потребления. Доход хозяина ,посредников, мелочных торговцев, всех вкладывающих свой труд (я против них, впрочем, не возражаю, так как капиталистическая организация не может без них обойтись), но не дающих того, что может иметь характер потребления, а наоборот, взимающих свою часть у тех, которые выполняют действительную работу.

К этим вычетам нужно еще прибавить амортизацию капитала: машин, инструментов, наем помещения.

Кроме того, потребитель имеет еще и другие расходы, которые не имеют отношения к предметам потребления, но, в то же время, входят в них, уменьшая их стоимость. Когда он идет в театр, платит за квартиру, нанимает извозчика и разные другие надобности, которые я не могу даже предугадать.

Сюда же входят еще и уплата процентов по долгам, пенсии, содержание армии, уменьшая потребительскую часть.

Если бы все те, которые работают, производили бы только предметы потребления, то они получили бы большую покупательную стоимость, хотя, при системе меновой ценности, они все-таки были бы обкрадываемы, но в меньшей уже степени. Нужно заметить, что не только бесполезные работы уменьшают производительскую часть. Существуют и полезные работы, которые, однако, не являются производительными. Канализаторы, метельщики улиц, дантисты, доктора, кучера, шоферы, специалисты увеселительных мест или мест отдыха, — все они являются полезными, но их работа не производит предмета потребления.

Пусть уничтожат право собственности на землю, на инструменты производства; пусть устранят меновую стоимость и заработную плату и все эти трудности перестанут существовать. Одним соображением должны руководствоваться: производить столько, сколько необходимо, чтобы каждый мог потреблять согласно своим потребностям. И этого вполне можно достигнуть, так как в современном обществе, несмотря на то, что столько лиц не принимают участия в производительном труде (например, армия), перепроизводство является причиной безработицы. Получается следующий парадокс: те, которые производят, не имеют возможности приобрести всего того, в чем они могли бы иметь необходимость, но, производя в большей мере, чем они могли бы получить на свой заработок, избыток скопляется в магазинах и приводит их к безработице, т. е. еще больше уменьшает их возможность потребления.

В настоящее время это просто режет глаза и никто не отдает себе в этом отчета; даже те, кто стали жертвами этого.

Наивные люди, может быть, мне заметят: «но если рабочий не может прожить на свой заработок, то пусть он постарается его увеличить».

Время от времени это и происходит, но положение от этого все таки не меняется, потому что увеличение это может получиться только путем вздорожания предмета, который он производит. Так, наш сапожник, если он зарабатывает вместо 10 франков — 20 франков, то это значит, что его пара сапог стоит 20 франков вместо 10 франков, потому что он более одной пары производить не может.

Если бы увеличение заработка ограничилось только одной корпорацией, получила привилегию, тогда как все другие остались бы на прежнем положении. Но так не бывает, так как, когда увеличивается один предмет, другие товары также увеличиваются и другие корпорации, следуя толчку, рано или поздно, также увеличивают свой заработок.

«Однако, надо признать, что экономическое положение наемных рабочих стало лучше по сравнению с тем, как было раньше».

Да, но это в силу того, что нашли способ производить в одно и то же количество времени гораздо больше предметов, чем раньше. Это позволило уменьшить на них цену, и сделать доступнее для потребителя. Но здесь имеется граница. Потребитель, если он и получает возможность потреблять несколько больше, он тем не менее, не может удовлетворить всех своих нужд.

***

Конечно, и в настоящем обществе имеются такие, которые могут позволить себе широкую жизнь не эксплоатируя других. Артисты, писатели, которые достигли известности, но это только исключения. Но если они и не эксплоатируют, в буквальном смысле этого слова, труд других, то все таки это не исключает, что другие должны работать за них, чтобы дать им возможность развить их способности и достигнуть известности, которая их вводит в класс привилегированных. Но далеко не все обладают способностями стать художниками, скульпторами, музыкантами, или писателями, способными поднять энтузиазм толпы. Да это было бы и очень плачевно, по крайней мере, в современном обществе, так как кто же тогда стал бы производить для потребления?

Пусть ищут какие угодно паллиативы, пусть что угодно воображают — человек не освободится и не сможет жить, не причиняя вреда другим, если не получит возможности свободно об'единяться для производства и потребления, обменивая, также свободно, предметы своего производства — не вводя в процесс обмена никакой меры ценности на то, что он и его сочлены не в состоянии производить сами. Торговля должна исчезнуть, так как мы не имеем в виду возвратиться к товарообмену примитивных людей.

Если угодно, это обмен продуктами, но он должен исходить из понятий обмена услуг между совбодными людьми, об'единенными для взаимопомощи в интересах существования.

Но, чтобы изменить существующий социальный порядок, люди, как я уже говорил выше, неизбежно должны будут прибегнуть к революции; они должны ясно отдать себе отчет, что эта революция — не та фея, которая ударом волшебной палочки изменит мир. Она может быть достигнута только путем вооруженного действия и долг революционеров, как только она вспыхнет, уничтожить, не оставляя никакого следа, как политическую, так и экономическую организацию капиталистов.

Что касается политической организации, то она должна исчезнуть и нужно помешать ей вновь появиться под какой бы то ни было формой. Но так как необходимо нужно будет есть, даже и когда дерешься, необходимо будет продолжать производить, а для этого, как и для производства обмена, нужно будет быть «организованным». А это не происходит магическим путем. До того, как вспыхнет революция, еще в период пропаганды, нужно будет, чтобы те, кто готовится к революции, попытались бы между собой создать такие группы, которые способны будут заместить, как только вспыхнет революция, экономические организации капиталистов, предназначенные к уничтожению

Но это должно состоять не в простой замене имени, как это часто бывало в политических революциях, а нужно устранить все следы коммерции, всякий вид меновой стоимости.

Эти ячейки, так как, конечно, в современном обществе эти группировки могут быть только ячейками, недостаточны, чтобы послужить основой для новой экономической организации, к которой будут примыкать сочувствующие, возбужденные массовым порывом, вызванным неизбежно революцией, и, в то же время являясь достаточно подвижным, чтобы приспособиться к создавшемуся положению и обстоятельствам.

ЖАН ГРАВ.

ОПЫТЫ РУЗВЕЛЬТА

Говоря об опытах президента Рузвельта, нам придется иметь в виду не столько опыты, как таковые, сколько то заблуждение, которое вызвано этими опытами, дело в том, что в Америке есть немало людей, смотрящих на Рузвельта, как на второго Моисея, долженствующего вывести население страны из состояния депрессии.

Как это ни странно, но в числе этих людей мелькают и некоторые бывшие радикалы, разменявшие честь и величие своих идей на пустозвонные побрякушки демократии. Они — бывшие радикалы — тоже считают Рузвельта спасителем рода человеческого, и все его деяния относят к числу великих и мудрых реформ.

Вот последнее-то обстоятельство и заставляет нас коснуться, если не всех то, по крайней мере, некоторых мероприятий Рузвельта.

Прежде всего — следуетт поставить вещи на их надлежащее место. Бывшие радикалы, чтобы сгладить свое заблуждение, постарались облачить Рузвельта в ризы либерализма и гуманизма. Они доказывают, что Хувер — представитель консервативной части Америки, а Рузвельт — прогрессивной. В этом заключается глубокая ошибка. Рузвельт, как и Хувер, не имеет ничего общего с прогрессом, а тем более — с теми социальными идеями, носителями которых являются трудящиеся. Рузвельт, как и Хувер, плоть от плоти, кость от кости того класса, который занимает господствующее положение в стране.

Чтобы подтвердить это положение, за примерами далеко ходить не приходится. Достаточно вспомнить последние забастовки — а их было немало — чтобы убедиться, что Рузвельт — защитник эксплоататоров, а не эксплоатируемых. Помог ли хоть один раз Рузвельт рабочим выиграть забастовку? Нет! Все действия Рузвельта — прямые и косвенные — сводились к тому, чтобы рабочие в самый кратчайший срок прекратили забастовку— неважно какой ценой, хотя бы ценой полной ликвидации. Бастующие часто подвергались избиениям, иногда — расстрелам, и Рузвельт палец о палец не ударил для того, чтобы привлечь к ответственности убийц.

Нет, человек прогрессивного склада мышления не допустил бы этого. Если бы Рузвельт, действительно, заботился о благе широких слоев населения, он не позволил бы, чтобы рабочих расстреливали во время забастовки.

Обратимся теперь к пресловутым опытам. Что собой эти опыты представляют и чем они вызваны? Вызваны они, прежде всего, сложившимися обстоятельствами. Рузвельт, как известно, занял президентское кресло в самый расцвет депрессии. Сложить руки и отдаться на волю бога — уже было поздно. Президент должен был что-либо предпринять для того, чтобы пустить населению пыль в глаза.

Не нужно также забывать, что Рузвельт принадлежит к той партии и к числу тех людей, которые любят играть громкими фразами. Кто из нас не помнит, как часто Рузвельт во время предвыборной кампании упоминал о «забытом человеке». А что потом сталось с этим «забытым человеком»? Фраза осталась фра-

зою. — пустая бочка — пустой бочкой. Пустой бочкой, до известной степени, является и вся «новая эра» Рузвельта. Шуму много... чтобы убаюкать население.

Все опыты Рузвельта можно разбить на три категории: 1) помощь фермерам, 2) НРА и 3) «релиф». Помощь фермерам заключается в поднятии цен на сельско-хозяйственные продукты и в заключении договора о сокращении посевной площади. Если фермер до «новой эры» засевал, скажем, 100 акров, а сейчас 50, то за остальные 50 акров (незасеянные) он получит от правительства вознаграждение (за мерило, впрочем, берется не площадь земли, а количество урожая). На бумаге как будто все хорошо. Зачем в самом деле, трудиться, сеять, собирать?.. Не лучше ли оставить землю незасеянной и получить от правительства за это вознаграждение?

Но это только на бумаге... В действительности дело обстоит иначе. Заключает правительство договоры о сокращении посевной площади исключительно с богатыми фермерами, способными выбрасывать на рынок огромное количество сельско-хозяйственных продуктов. Бедные же фермеры остаются в тени. Бедному фермеру никто и цента не даст за сокращение посевной площади. Правительство знает, что мелкий фермер — засеет - ли он всю фарму или только часть — не может наводнить рынок, поэтому нисколько с ним не считается.

Такую же «помощь» бедный фермер получает и от поднятия цен на сельско-хозяйственные продукты. Цены, действительно, поднялись — но где? Там, где они переходят в руки потребителя — в городе. Потребитель, действительно, переплачивает на всех сельско - хозяйственны продуктах, но извлекает ли фермер из этого какую либо выгоду? Увы — никакой!

Рынок, как и биржа, постоянно колеблется. Когда у фермера нечего продавать, цены на рынке высокие; когда же созреет урожай и его нужно везти на рынок, цены стремглав падают. Таким образом, бедный фермер от поднятия цен ничего не выигрывает, наоборот — теряет, ибо поднятие цен касается всех предметов, в том числе и тех, которые фермеру нужно покупать. Тонна искусственного удобрения до «новой эры» стоила 24 дол., а теперь — 32 дол. Восемь долларов фермер должен переплатить. Приходится переплачивать и на всех остальных вещах — семенах, одежде, сельско-хозяйственных орудиях и т. п.

Не лучшие результаты пожинают и рабочие, подверженные действию НРА. Даже если предположить, что предприниматели полностью выполняют рабочий код (чего, конечно, почти никогда не бывает), то и тогда улучшение положения рабочего не гарантировано. Рабочий код определяет минимум заработной платы и максимум рабочих часов в неделю, но он не определяет количества вырабатываемых рабочим продуктов. Поэтому предприниматель, вводя НРА, может обставить дело так, что рабочий в течение 6-ти часов может выработать то же самое количество продуктов, которое он вырабатывал за 8 часов. Кроме того, предприниматель ничем не ограничен в сокращении числа рабочих. Часть рабочих он может уволить, а оставшихся принудить выполнять ту самую работу, которая прежде выполнялась при большем составе рабочих.

Так оно и практикуется. Рабочий, как и фермер, в конечном счете получает от «новой эры» одно лишь вздорожание жизни. Заставили некоторых предпринимателей повысить немного заработную плату — они сократили штат рабочих; заставили сократить рабочие часы — усилился «подгоняй».

Как же обстоит дело с «релифом»? Да, «релиф» при Рузвельте возрос до огромных размеров. В настоящее время свыше 22-х миллионов человек получают «релиф» в том или ином виде. Цифра довольно внушительная, но она как раз не дает кредита Рузвельту. 22 миллиона человек, состоящих на «релифе»—неопровержимый факт катастрофического состояния страны. Если бы положение дел улучши-

лось, как это заявляют сторонники президента, то нет сомнения, что «релифная» армия с каждым разом уменьшалась бы, но мы видим обратное: армия эта все возрастет и возрастает, стало быть, все разговоры об улучшении дел — пустые слова. Если же сюда прибавить те 11 миллионов безработных (по официальным отчетам, значительно уменьшающим точное количество безработных), которые не получают «релифа», то результаты опытов Рузвельта предстанут перед нами во всем своем печальном виде. Гордиться тут совершенно нечем. Рузвельт столько «помог» населению, сколько «помогает» каждый представитель буржуазного класса.

Еще несколько слов о «релифе». Многие в особую заслугу Рузвельту ставят созданные им общественные работы. Увы, заслуги тут нет. Никто из находящихся на общественных работах не скажет, что он счастлив и доволен своим положением. Общественные работы обставлены так, что они дают возможность человеку лишь влачить жалкое существование. Не даром Рузвельт окружил себя «мозговым трестом»: эти научные советники высчитали, что если семья, состоящая из 4 душ, может прожить на 48 дол. в месяц. Если квартира, освещение и отопление обойдется, скажем, в 20 дол. в месяц, то на пищу и одежду остается 28 долларов, т. е. 1 д. 75 с. на каждого члена семьи в неделю. Одним словом, все устроено так, чтобы «еле-еле держалась душа в теле».

Из этого «научного» прожиточного минимума исключается лишь незначительная часть общественных работ, в большинстве же случаев лица, удостоившиеся этих работ, ходят полуголодные, полураздетые. Конечно, есть люди, которым общественные работы приносят огромные выгоды: это — так называемые администраторы. Им Рузвельт, действительно, принес манну с неба. Сидят они у общественного пирога и отхватывают огромные куши, чем иногда даже буржуазная печать возмущается. Но об этих «счастливчиках» следовало бы поговорить отдельно.

Вполне естественно, что некоторые из последователей Рузвельта спросят нас: что же, по вашему мнению, нужно предпринять для того, чтобы вывести страну из состояния депрессии? Ответ на этот вопрос очень краток: все богатства страны передать населению. От депрессии, в таком случае, не останется и следа. Без этого же — без передачи богатств в руки населения — всякие меры борьбы с депрессией обречены на неудачу. Рузвельт, конечно, не может этого сделать. Не может он пойти против интересов тех слоев населения, к которым он сам принадлежит. Впрочем, никто от него этого не требует. Наша задача заключается лишь в том, чтобы рассеивать всякий обман, откуда бы он ни исходил. Обманом мы считаем и все опыты Рузвельта. Вашингтонская администрация пускает в воздух розноцветные фейерверки для того, чтобы сбить с толку население. И, надо сказать, эта задача с успехом выполняется. Как уже было отмечено выше, не только простые обыватели, но даже некоторые бывшие радикалы верят в магическую палочку Рузвельта. Обман, если он построен умело, всегда попадает в цель. Обманули большевики громкими фразами население, обманывают фашисты, обманывает и Рузвельт. Куда ни посмотри — со всех сторон несутся густые облака обмана, заслоняющие солнце-правды.

Но правда, в конце концов, восторжествует. Тяжело дождаться этого светлого момента, но что-же делать, — ход истории человечества слишком медленный по сравнению с жизнью отдельного человека. Сменяются иногда поколения, а иногда и несколько веков проходит прежде, чем человечество успеет на шаг подвинуться вперед. Но все-же оно подвигается, все-же поступательный ход не останавливается.

Но вернемся еще к опытам Рузвельта. От опытов этих нельзя ожидать ничего путного хотя бы потому, что они не имеют под собой никакого фундамента. Всякое предприятие в наше время должно себя оплачивать. Опыты же Рузвельта лишены самоокупаемости. На опыты за-

М. РУБЕЖАНИН.

Древне-римские диктаторы и мы

2. Юлий Цезарь (100 - 44 до Р. Х.)

(Продолжение)

Опираясь на солдат своего зятя Помпея и подкупая плебеев деньгами Красса, Юлий Цезарь почувствовал себя полным хозяином в сенате. Если он осмелился поднять руку против своего коллеги — второго консула Бибула, и запугал его настолько, что он боялся появляться не только в сенате, но и на улице; если он посмел арестовать бесстрашного обличителя всякой несправедливости Катона и не остановился перед запугиванием такого знатного человека, знаменитого оратора и друга своего детства, как Цицерон, то чего можно было ожидать от него другим сенаторам, менее влиятельным и способным к сопротивлению?

И высокомерный и гордый сенат превращается в сборище запуганных, трепещущих и послушных воле Цезаря людей. Большинство из них совсем перестает посещать собрания сената. Когда Цезарь обращает на это внимание старика — сенатора Консидия, то он с присущей римлянину прямотой заявляет, что сенаторы боятся его вооруженных людей.

— А почему ты не сидишь дома? — спросил старика Юлий Цезарь.

— Потому, что мой старый возраст делает меня бесстрашным.

Запуганный сенат не мог уже оказать никакого противодействия планам Цезаря. В первую очередь он проводит закон о том, чтобы сенатские решения, постановления и распоряжения опубликовывались во всеобщее сведение. До этого времени отчет о собраниях сената оглашению не подлежал, и только отдельные сенаторы могли доводить до сведения публики содержание своих речей.

С первого взгляда может казаться, что Цезарь — поборник гласности и враг всяких тайных махинаций. Всем этим он хотел только подорвать авторитет сената сделать себя более популярным в глазах народа и усилить свое влияние и власть. По той-же самой причине, Ильич, Сталин, Троцкий, Пилсудский, Муссолини и Гитлер в свое время были и противниками тайной дипломатии, требовавшими опубликования секретных договоров, и противниками смертной казни, сторонниками всяких свобод, прежде всего для себя, и все это только для того, чтобы потом, превратившись, как и Цезарь, в диктаторов, восстановить и тайную дипломатию и смертную казнь, и уничтожить всякие свободы для других.

Цезарь, разумеется, должен был прибегнуть к конфискации казенных и частных земель с целью наделения участками земли ветеранов из армии Помпея, наводнивших Рим и мешавших осуществлению дальнейших планов Цезаря. Не удовлетворив солдат Помпея, нельзя было зате-

---

трачиваются огромные суммы денег, дохода же — никакого. Все это похоже на мыльный пузырь, который рано или поздно должен лопнуть. Пузырь лопнет, миллионы безработных снова очутятся у разбитого корыта и вдобавок к этому на плечах населения останется огромное бремя национальной задолженности.

Вот чего следует ожидать от мероприятий Рузвельта. Не только мы, очевидцы этих мероприятий, но будущее поколение — быть может, те, кого еще нет на свете — должно будет расплачиваться за этот обман.

Чему же тут радоваться, чем тут восхищаться? Мыльным пузырем, фейерверками?... Это детское занятие, поэтому все те, кто искренно верит Рузвельту, похожи на детей.

АВТОНОМОВ.

взть новые военные авантюры.

Не только Цезарь не постеснялся посягнуть на «священные права» частной собственности крупных землевладельцев — патрициев при наделении ветеранов землей, но он мало церемонился с государственными суммами, не останавливался перед грабежом городов, частных лиц и даже храмов.

Светоний упоминает, что еще в бытность проконсулом в Испании, Цезрь вымогал деньги у союзников на уплату своих частных долгов, и разграбил многие города в Лузитании (нынешняя Португалия), несмотря на то, что они приняли его требования и открыли городские ворота.

Тот-же историк утверждает, что в свое первое консульство Юлий Цезарь украл из государственного казначейства 3,000 фунтов золота, подменив его таким-же весом позолоченной бронзы. В наше время производятся более тонкие финансовые операции, именуемые девалоризацией, девальвацией, инфляцией — в зависимости — оттого — кто, кого и в каком размере обкрадывает и грабит.

Военные союзы и троны (римские республиканцы ставили королей в некоторых провинциях) в консульство Юлия Цезаря превратились в предмет купли - продажи. От одного только египетского короля Птолемея была получена взятка в сумме около 6,000,000 дол.

Проф. Фоулер упоминает еще об одной комбинации, санкционированной сенатом и Юлием Цезарем, на которой погрел руки Красс (участник триумвирата), настоявший на снижении крестьянского налога в Азии (римская провинция) на одну треть. Красс, конечно, за эту услугу получил крупную сумму комиссионных.

Но зато, по мнению проф. Фоулера, Юлий Цезарь заслуживает большой похвалы за проведенный им закон против вымогательства римских чиновников в провинциях. Почтенный протфессор — большой поклонник «больших» людей — тут-же прибавляет, что этот закон не является чем-то новым; что в течение 90 лет, до Цезаря, в Риме было проведено пять других, подбных-же законов, а с 149 г. до Р.Х. существовала постоянная комиссия для преследования вымогателей и взяточников, которая очевидно не искоренила этого зла прежде всего потому, что сами авторы этих законов нарушали их на каждом шагу и не отказывались от вымогательств и поборов. Издавая закон против вымогательства, Юлий Цезарь, как и большевики, хотел только воспретить его другим чиновникам и монополизировать это прибыльное занятие исключительно для себя. Само собой понятно что от этой реформы ничего не получилось, и даже в наше время ни в одной стране все еще не обходятся без вымогательств, все еще нет чиновников и правителей, которые не брали-бы взяток и исполняли-бы свои обязанности бескорыстно и справедливо. Все это было и будет до тех пор, пока будут чиновники и правители.

Годичный срок консульской службы заканчивался, и надо было позаботиться о будущем. Консульство нужно было Юлию Цезарю, как ступенька для продвижения на вершину славы и могущества, о чем он никогда не переставал помышлять.

В сенате пытались было оставить Цезаря в Италии на безобидной проконсульской должности по надзору за дорогами, водоснабжением, лесами, общественными работами. Сенат не хотел предоставлять в его управление какую-либо провинцию и давать в руки этого опасного человека армию, да в этом и не было никакой надобности: Риму больше не угрожали, покоренные уже, Митридат или Югурта, война пока что ни с кем не предвиделась.

Но Юлию Цезарю нужны были и легионы и война. Сидеть в Риме спокойно, бездельничать или заниматься препирательствами и интригами в сенате Цезарь больше не хотел.

Опять таки, опираясь на своего затя Помпея и новообретенного тестя Пизона — своего заместителя по консульству, Юлий Цезарь настоял на своем и добился назначения его проконсулом на пятилетний

срок над Цизальпийской Галлией (нынешняя южная часть приальпийской Италии), а потом и над Трансальпийской Галлией, а так-же над Иллирией.

Юлий Цезарь торжествовал: наконец-то начинают осуществляться его заветные мечты вопреки всяким проискам врагов, «на головы которых он теперь может испражняться». (Светоний). А когда кто то из его оппонентов язвительно заметил, что это было-бы не легко для любой женщины (намек на противоестественные наклонности Цезаря), то он ответил, что Самерамия царствовала в Сирии, а амазонки в древнее время доминировали над значительной частью Азии.

Проконсульство и армия Цезарю были нужны еще и по другим соображениям более прозаического характера: преторы Гай Меммий и Луций Домиций, перед истечением срока консульской службы Цезаря, подняли вопрос о расследовании его служебной деятельности. В качестве консула Цезарь пользовался неприкосновенностью, но по окончании службы мог быть привлечен к судебной ответственности за проступки и деяния, совершонные во время несения консульских обязанностей.

Как уже было отмечено, Цезарь был не чист на руку, не особенно бережно обращался с общественными деньгами, и ему, вероятно, пришлось-бы держать ответ перед тем самым законом против вымогательства и взяточничества, который был проведен в сенате по его настоянию. Испытать свое собственное лекарство на себе самом, Цезарь, конечно, не захотел. Знакомство с юридическим крючкотворством помогло ему уклониться от суда под тем предлогом, что он отсутствует из Рима «по служебной обязанности».

А чтобы избавить себя в будущем от подобных неприятностей, Цезарь позаботился о том, чтобы на ответственные должности в Риме избирались его ставленники, готовые защищать его во время отсутствия из Рима. По его требованию, Помпей и Красс снова выставили свои кандидатуры и были избраны консулами, когда добивавшийся этой должности Луций Домиций, опять пригрозил, в случае избрания его консулом, сделать новую попытку привлечения Цезаря к судебной ответственности.

С своей стороны Помпей и Красс добились в сенате продления проконсульских полномочий Цезаря еще на пять лет. Таким образом, действуя через своих людей в Риме, он упрочил свое положение в тылу, а это в свою очередь предоставляло ему свободу действий «на фронте», в одной из самых богатейших римских провинций в продолжение десятка лет.

Само собой понятно, что Юлий Цезарь более чем в полной мере использовал представившиеся ему возможности. В его руках оказалась не только богатая и огромная провинция, но по меньшей мере три римских легиона, к которым он прибавил еще один легион из местного кельтского населения, вооруженного и обученного на римский манер.

С этого времени, по утверждению Светония, Цезарь не упускает ни одного удобного случая и предлога для войны безотносительно к тому — имеются-ли основания для этого, не считаясь ни с опасностью затеваемого предприятия, ни с тем — направлена-ли война против дружественной, союзной с Римом страны, или враждебных ему варварских племен.

Нападениям, разгрому и грабежу подвергались в одинаковой степени «друзья» и «враги». Ранее завоеванная Галлия предавалась потоку и разорению под предлогом «умиротворения» ее, внедрения в импульсивных и непостоянных галлов, чувств лойяльности к Риму.

На самом - же деле всеми этими словечками прикрывались бесконечные, возмутительные грабежи и поборы мирного населения новоявленным «великим» завоевателем давно уже завоеванной римлянами Галлии. Неугомонный Цезарь систематически провоцировал войну, толкал мирное население на восстания, чтобы иметь повод для новых побед римского оружия, увеличения своей славы и наживы. Для более опытных в военном деле римлян не представляло особенно больших труднос-

тей одерживать победы над полуцивилизованными, хотя и храбрыми галльскими племенами.

Грабил Цезарь, по словам Светония, не только города, ни в чем не преступившие перед Римом, ради одной наживы, но такая-же участь постигала храмы и другие святыни, наполненные жертвоприношениями. В результате всего этого, у Цезаря, недавнего еще крупного должника, оказалось такое огромное количество золота, что он не знал что с ним делать, и стал продавать его в Италии на одну треть дешевле обыкновенной цены.

Разоренную и «покоренную» Галлию он обложил ежегодной контрибуцией в 40,-000,000 сестерций (сестерций равен 5 сен.—сумма довольно крупная, если принять во внимание, что вол в то время стоил дешевле 2 дол.).

Покончив с галлами, Цезарь построил мост через Рейн, нанес поражение полудиким немецким племенам и пограбил их. И даже добрался до Британии (Англия), население которой состояло преимущественно из кельтов, убегавших сюда из Галлии от римского владычества. Островное население было очень бедным и большой наживы, на которую Цезарь рассчитывал, он здесь не нашел.

Во время нового вторжения в Германию Цезарь предательским образом истребил целое бродячее немецкое племя, перешедшее на другую сторону Рейна и пытавшееся осесть в северной части нынешней Бельгии. Цезарь, под предлогом переговоров, заманил в свой лагерь главарей и военноначальников немецкого племени, задержал их у себя, а легионам отдал приказ внезапно атаковать ничего не подозревавших немцев, ожидавших возвращения своих вождей. Целое немецкое племя в числе 430,000 душ мужчин, женщин и детей — было уничтожено.

Подобное вероломство и жестокость Цезаря вызвали негодование даже в римском сенате, и Катон, безуспешно, разумеется, требовал выдачи «победителя Галлии» немцам с целью вознаграждения их за совершонное им против них преступление.

Но так как почти все походы и предприятия Цезаря заканчивались успехом, то в Риме, по словам Светония, все чаще устраивались публичные торжества в честь его побед, более продолжительные, чем в честь прежних победителей.

Прославлять Цезаря, увеличивать его популярность в Риме не представляло особенных затруднений потому, что он, превратившись в самого богатого человека в древнем мире, благодаря разграблению Галлии, не скупился на подачки плебеям, на подарки и займы сенаторам, чиновникам, обедневшим аристократам и, вообще всем, кто только обращался к нему. И в Риме почти не было человека, которого Цезарь не облагодетельствовал-бы и у которого он не был-бы в долгу.

Одной рукой Цезарь разрушал, предавал огню и мечу, грабил галльские племена и провинции, а другой — щедро одаривал римлян, от имени которых производились все эти грабежи и опустошения.

Сам Цезарь и многие историки во всем этом видят нечто величественное и грандиозное, и римскому империализму пытаются приписать многие добродетели, которых у него не было. Римский бандитизм в международном масштабе хотят выдать за гуманное и прогрессивное явление в истории человечества. В продолжение двухсот лет и в Азии и в Европе Рим сметает с лица земли республики, монархии, теократии и другие формы политической власти только для того, чтобы отдать порабощенные народы и страны под управление римского проконсула и небольшой свиты его помощников, секретарей и другой чиновничьей челяди. Сразу может казаться, что простая римская система управления и более демократична и значительно дешевле тех сложных политических форм управления, которые разрушались римлянами.

Но это только — в теории. А на практике дело обстояло так: римские завоеватели обирали покоренные страны до ниточки. Во время интервенции в Грецию, например (197—187 до Р.Х.) из нее в

Рим было увезено золота и серебра на сумму 90 миллионов динариев (свыше 17 миллионов дол.), помимо множества предметов искусства, скульптуры и других ценных вещей *). От грабежа храмов, государственной казны и хранилищ искусств страдало все население, которое, хотя и освобождалось от королей и тиранов, но неизменно попадало под власть состоятельных классов, творивших суд и расправу над разоренным народом, очутившимся под двойным гнетом — римским и своих собственных оптиматов (богачей).

Рим, — говорит проф. Моррис Голло, — ничего не сделал для греческих масс, нищих, запутанных в сетях кредиторов, искавших облегчения своей участи.

Римский проконсул Фламиний не обращал на них никакого внимания, и вступил в тесный союз с ненавистными капиталистами, ради утверждения господства которых он разгромил короля Набиса, выступавшего в защиту бедняков (в древности были и такие короли: некоторые из них были казнены богачами, за свою революционность).

Древне - римский военный большевизм не ограничивался одним только разрушением плохо защищенных небольших и больших монархий, республик - городов и т.д. Проф. Г. Ферреро **), утверждает, что вместе с государствами и правительствами Рим уничтожал научные и просветительные учреждения, центры искусства, аристократические традиции и все крекрасное, При римском владычестве практицизм преобладает над философией и наукой, торгашество над искусством и литературой и средний, невежественный класс — над аристократией духа.

Ни языческий, ни христианский Рим не могли, разумеется, сцементировать в одно целое, в одну международную семью всего многообразия рас, культур, языков, религий, обычаев, нравов и традиций стран и народов, очутившихся под римским скипетром. Больше всего созданию такого римского интернационализма мешали сами же римляне, смотревшие на порабощенные ими страны, как на дойную корову.

Проф. Ферреро указывает в своей книге на такой случай: Лициний, бывший раб Цезаря, очень предприимчивый администратор, посланный в Галлию Августом для выколачивания контрибуции, додумался до увеличения числа месяцев в году с 12-ти до 14-ти, об'явив последний месяц декабрь только десятым месяцем и прибавив новые месяцы Однодекабрь и Двудекабрь. К такой хитрости Лициний прибег для того, чтобы увеличить сумму налогов, которые вносились помесячно. Дело дошло, по словам историка Диона, чуть ли не до бунта. Указывая Августу на хранилища, наполненные золотом и серебром, Лициний, испугавшийся расправы, заявил, что все эти богатства он отдает ему, Августу, ибо в руках галлов они представляли-бы большую угрозу Риму. Лициний, таким образом, отвратил от себя гнев Августа, а последний, разумеется, воспользовался награбленным серебром и золотом.

Древне - римский историк Саллюстий *) современник Цезаря цитирует письмо короля Митридата, дающее далеко не лестную характеристику римского империализма:

«У римлян, — пишет Митридат, — имеется одно неизменное побуждение для войны против всех наций, народов и королей, это — глубоко вкорененное стремление к доминированию и захвату богатств».

Римляне, по словам короля, с самого основания совей республики, не имели ничего своего: их жилища, их жены, их земля, их империя — результат грабежа и воровства. Кочевники без родины, без традиций, созданные для того, чтобы быть проклятием всего мира, без законов божеских и человеческих, которые могли-бы воспрепятствовать захвату и разрушению союзников и друзей — близких и дальних, слабых и сильных и которые не позволя-

*) The Cambridge Ancient History.

**) Guglielmo Ferrero, Litt. D. Characters and Events of Roman History.

*) Sallust.

ли-бы относиться ко всем неподчиняющим ся им правительствам, в особенности монархиям, как к своим врагам.

Все вышесказанное говорит о том, что Рим не пользовался симпатиями в завоеванных им странах. Римское владычество ненавидели и проклинали, против него восставали и бунтовали, старались освободиться при всяком удобном случае. Отсюда — источник непрекращающихся восстаний и вечных войн, все новых завоеваний завоеванных провинций, или вернее — новых погромов и разграблений жадными римскими полководцами.

Как же чувствовали себя сами завоеватели в центре своей великой империи — в царственном Риме? Что на этот счет рассказывают древне - римские историки? Салюстий говорит, что в ранний период существования римской республики, после свержения королей — тиранов, приблизительно в 509 г. до Р.Х., римляне представляли собой высоконравственных людей, живших в согласии между собой, презирав ших богатство и наживу.

Преобладали справедливость и искрен ность не столько благодаря законам, сколько своим собственным природным качествам. Ссоры, разногласия, борьба скорее всего были качествами их врагов. Меж ду собой они состязались только в похвальных поступках.

На войне были храбры, в мирное время — справедливы, и их система управления основывалась не на страхе, а на мягкосердечии: пострадавшие скорее всего склонны были к прощению обиды, чем к ее отмщению.

«Но когда наша страна стала великой, — пишет Саллюстий, — благодаря практике справедливости, когда были побеждены великие короли на войне, когда силой оружия покорили дикие племена и могучие народы, когда был разрушен до основания, с корнем и всеми ответвлениями, конкурировавший с Римом, — Карфаген и все моря и земли открылись перед победителями, тогда Фортуна стала к нам жестокой и внесла беспорядок во все наши дела. Для тех, которые легко переносили трудности и опасности, заботы и нужду, — безделье и богатство, желательное при других обстоятельствах, оказалось бременем и проклятием. Отсюда — стремление к наживе и обогащению. Все это, я могу сказать, было корнем всех зол. Ибо любостяжание делает человека бесчестным, лишает его цельности и других благородных качеств: их место занимают бесстыдство, жестокость, пренебрежение богами, на значение всему цены. Амбиция превратила многих людей в лжецов, у которых одна мысль в голове, а другая—на языке... Сперва эти пороки были мало заметны, и, время от времени, преследовались: наконец, когда болезнь приняла характер опустошительной эпидемии, государство из менилось и правительство, которому не было равного по справедливости и беспристрастию, — стало жестоким и невыносимым».

Саллюстий винит в подрыве государственных основ диктатора Луция Суллу, который, «захватив власть с помощью вооруженной силы, все привел к плохому концу от хорошего начала: все стали грабить и расхищать. Одного соблазнял дом; другого — земля. Победители не проявляли ни умеренности, ни воздержаности, а бесстыдно и жестоко обижали своих сограждан».

Кроме всего этого, своими завоеваниями в Азии, Сулла развратил римских воинов азиатской роскошью. Чтобы задобрить и привязать их к себе, Сулла позволил своим солдатам, вопреки римским традициям, «предаваться пьянству и разгулу, наслаждаться статуями и картинами, дорогими вазами, похищать их из частных домов и общественных мест, грабить святыни и попирать все небесное и земное. Эти солдаты, одержав победу, ничего не оставили побежденным».

Ограбили всех дочиста в Азии и, вернувшись в Рим, принялись грабить и своих соотечественников под предлогом спасения Рима от крамолы.

«Как только стали преклоняться перед богатством, — говорит Саллюстий, — которое приносило славу, преобладание

и власть, добродетель начала терять свою привлекательность, бедность стала считаться пороком, безупречность — зловолием. Стремление к богатству, роскоши и наживе, в соединении с высокомерием, охватили наше молодое поколение. Оно грабило и разоряло, не ценило своего собственного, посягало на чужое имущество; оно позабыло о скромности, нравственной чистоте, о всем человеческом и божественном. Словом, превратилось в людей безразсудных и отчаянных».

С негодованием Саллюстий говорит о грабительских наклонностях своих современников. Предков он восхвалял за благочестие и гуманность: «от побежденных они не забирали ничего, помимо власти причинять зло. Сегодняшние-же люди, наоборот—самые низкие создания, с злыми намерениями, грабят наших союзников начистую, забирая все, на что они могли наложить руки в момент победы. Они действуют так, как если-бы смысл управления состоял в том, чтобы делать только зло».

Если, как показал заговор Катилины, недовольство и деморализация в значительной степени охватили верхи римского общества, то расправы с братьями Гракхами говорят нам о том, что низы, создававшие славу и величие римской империи, очутились в отчаянном и безнадежном положении.

Плутарх *) вкладывает в уста Тиберия Гракха следующие слова:

«Дикие звери, бродящие по полям Италии, имеют свои берлоги или убежища; но люди, которые защищают и умирают за Италию, пользуются только воздухом и светом, но больше ничем. Бездомные и бесприютные, они бродят по стране с своими женами и детьми. И лживыми речами императоры (солдаты награждали этим титулом полководца, одержавшего победу) возбуждают солдат на войне к защите могил и святынь от неприятеля, ибо ни у одного из этих солдат нет наследственного алтаря, ни у одного из этих многочисленных римлян нет наследственного склепа, и они воюют и умирают ради того, чтобы другие жили в роскоши и богатстве. И хотя их величают владыками мира, у них нет и горсти земли, которую могли-бы назвать своей собственной».

Правдами и неправдами богачи и аристократия вытесняли бедняков с земли, создавали большие имения, пользуясь для обработки земли трудом иностранных рабов, в которых не было недостатка, благодаря бесконечным войнам. Плутарх говорит, что обезземеленные римляне перестали проявлять рвение к военной службе, деторождение сократилось, и коренное римское население стало вырождаться.

Криком отчаяния и ропота звучит речь трибуна К. Лициния Макрия в 73 г. до Р. Х., дошедшая до нас, благодаря Саллюстию.

«Если вы, уважаемые граждане, не уяснили себе — какая разница между правами, оставленными вам вашими праотцами и этим рабством, наложенным на вас Суллой, то я принужден произнести длинную речь и осведомить вас о том, как плебеи не раз брались за оружие и отказывались от патрициев из-за несправедливостей последних и как они добились права иметь трибунов в качестве защитников всех их прав».

Макрий дальше говорит о беспомощности трибунов, лишенных диктатором Суллой власти. «Я знаю, — говорит он,— что фракция злых людей (диктатура) сильнее сторонников справедливости» и тем не менее он считает, что «поражение в борьбе за свободу для храброго человека лучше, чем отказ от всякой борьбы».

«И, однако, все другие избранные для защиты ваших прав, по побуждениям личной выгоды, надежды или благодаря подкупу, обращали всю свою мощь и власть против вас. Они считают, что лучше делать зло из корысти, чем добро без награды. Поэтому они теперь, каждый и все, подчинились господству нескольких человек, которые, под предлогом ведения

---

*) Plutarch's lives.
Tiberius and Caius Gracchus.

войны, захватили в свои руки казну, армию, королевства и провинции. Эти люди стали сильными благодаря ограблению вас в то время как вы, подобно скоту, покорились, множество — единоличным господам для их пользы и удовольствия, и это — после лишения всех привилегий, оставленных вам вашими праотцами, за исключением права избрания, не как прежде ваших защитников, а господ над собой».

Касаясь междоусобиц и борьбы на верхах, Макрий говорит, что ни одна из сторон не думает отказываться от господства над плебеями (народом), и что состязание между обеими сторонами происходит собственно из-за того — «кому господствовать над народом». Макрий предупреждает и просит — «не менять названий вещей с целью оправдания собственного коварства, и не присваивать рабству титул мира. Вам не позволят наслаждаться даже миром, если зло восторжествует над правом и честью... и если вы не одержите победы, они (аристократия) еще крепче скуют вас цепями, ибо чем больше несправедливость ,тем больше безопасность.

«Но может быть ваша служба была оплачена поспешно проведенным законом о распределении зерна, — законом, оценивающим вашу свободу в пять мешков зерна на человека, подачка, фактически не большая, чем тюремный паек арестанта. Ибо, как и в случае с арестантом, мизерный паек спасает его от смерти, тогда как сила его увядает, так и эта маленькая подачка избавляет вас от финансовых забот и разочаровывает в самых скромным надеждах. Но даже если-бы отпуск хлеба был значительным, то и тогда не говорило-ли бы это о летаргии, ибо подачка явилась бы ценой вашего рабства, обманом вас и фактически вашей собственной благодарностью вашим притеснителям за вашу собственную бедность.

«Было время, уважаемые соотечественники, когда каждый из вас находил защиту во многих, а не общество — в одном человеке, и когда никакой единичный смертный человек не мог отнять у вас свобод»...

Если патриции будут продолжать уклоняться от восстановления попранных прав, «то я не советую об'являть войну или отделение от них, а просто вы должны отказаться от пролития своей крови за них. Пусть они занимают свои должности и распоряжаются так, как хотят, пусть они ищут триумфов, пусть они с своими наследственными портретами идут против Митридатов, Серториев и других уцелевших владык, но пусть те, кто не имеют участия в прибылях, будут освобождены также от опасностей и труда».

В заключение своей речи Макрий указывает на главную причину неуспеха борьбы — летаргическое состояние народных масс, благодаря чему «ни слова, ни позор не побуждают вас к действию».

«Вы отказались от всего в обмен на ваше теперешнее безделие, полагая, что вы обладаете большой свободой потому, что ваши спины целы, и потому еще, что вам позволено ходить туда и сюда вашими богатыми господами. Но даже этих привилегий лишено деревенское население, которое истребляется в мждоусобице, затеянной господами, и людей раздают провинциальным начальникам в качестве подарка. Таким образом они воюют и побеждают ради пользы немногих; но чтобы ни случилось, с народом обращаются, как с побежденными. И это порабощение с каждым днем будет возрастать до тех пор, пока ваши угнетатели будут прилагать большие усилия к сохранению господства, чем вы к завоеванию утерянной вами свободы».

(Продолжение следует).

М. РУБЕЖАНИН.

Интересы группы и интересы анархизма

Между интересами группы и интересами анархизма по большей части лежит целая пропасть. Интересы группы часто сводятся к мелким разногласиям по второстепенным вопросам, к внутренним трениям и личным спорам. Или к борьбе с другими группами за преобладание и за руководство, доходя иногда до страшной взаимной ненависти и безсмыленной братоубийственной борьбы.

Интересы же анархизма находятся вне мелких временных интересов, личных или групповых влечений, споров, столкновений и распрей. Весь интерес анархизма концентрируется на наиболее действенной пропаганде идей анархизма, в общих человеческих устремлениях и нуждах, ставя интересы общественные над интересами движения. Ибо анархизм не имеет никаких других интересов помимо довольства и свободы для живых людей, для всех людей без исключения. Ибо анархизм — не цель, а средство для создания свободного довольного и вечно улучшающегося человечества.

И всякий человек, кто действительно хочет работать в интересах анархизма, должен мыслить и действовать не как приверженец той или другой группы, того или другого коллектива, той или другой социальной группы, а как анархист, как личность свободная от всяких предвзятостей и предрассудков, ставящая основные интересы анархизма и человечества над интересами временными, личными и групповыми. Ибо идея — всякая идея — должна служить для блага человека и человечества, а не человек должен служить идее, как бы возвышенна и прекрасна она ни была-бы. Если же кто хочет поставить партийные или групповые интересы над интересами анархизма и человечества, он превращается в злейшего врага своей же идеи и ужсного вредителя того дела, во имя которого он будет участвовать.

Личное влияние того или другого товарища, той или другой группы имеет свое значение, играет большую или меньшую роль в развитии и пропаганде данной идеи. Но это влияние все-таки — временное, преходящее, коренного значения не имеющее.

Также случается, что какое-нибудь лицо или группа теряют почву под ногами и отдаются какой - нибудь активности, ни чего общего с анархизмом не имеющей. Или настолько увлекаются личными или групповыми интересами, что забывают об интересах обще-анархических и обще-человеческих.

Особенно часто начали проявляться подобные отклонения в последние годы, когда реакция опять начала подымать голову. Вред, который они приносят анархизму, невероятен, и все, кому дороги идеи анархизма и кто искренне борется за лучшее человеческое будущее, должны серьезно задуматься над этим явлением и приложить все усилия, чтобы положить этому конец.

Избежать совсем эти явления будет нелегко. Всегда найдутся личности, которые захотят найти поле в анархическом движении для личного фигурирования и возвышения. Но свести эти явления к минимуму и можно и должно. Для этого необходимо, чтобы все анрхисты ставили интересы анархизма и человечества во главу всей своей активности, и чтобы анархический идеал был руководящей силой во всякой анархической активности.

Тогда все возникающие расхождения и разногласия будут играть второстепенную роль. Люди смогут дискуссировать, обсуждать спорные вопросы, но их личные отношения всегда будут товарищеские, терпеливые и дружественные. Их будет тесно связывать их общее стремление и их общее дело. Каждый сможет думать так, как он понимает, проповедывать идею согласно своему темпераменту и развитию, но в соответствии с основными принципами анархизма.

Тогда могущие быть расхождения — не вредны, а наоборот — полезны. Они заставят мыслить и обсуждать эти расхож

дения и будут полезны для принимающих в них участие, ибо заставят их углубиться в эти вопросы и продумать их.

Тогда все мелкие — личные и групповые споры исчезнут, и их место займет дискуссия и обсуждение идей и методов.

Многие анархисты сейчас серьезно ставят вопрос о возрождении и возвышении анархического движения, которое больше пострадало от внутренних дрязг и бессмысленных споров, чем от внешних причин, которые наносили анархическому движению удар за ударом и рассеяли немало хороших и полезных сил. Ибо очень часто личная или групповая борьба ставилась выше борьбы за осуществление анархического идеала.

Эти внутренние споры и дрязги принесли громаднейший вред анархизму, и необходимо найти выход из этого положения. Всякий честно мыслящий анархист это сознает и к этому стремится. Все ищут и хотят найти способ положить конец этому явлению в анархических рядах, и начать новую эру взаимного уважения терпимости и тесного сотрудничества. И этого необходимо достигнуть.

Искоренить все плохое в анархическом движении сразу невозможно. Но изжить это возможно и нужно. Для этого необходимо, чтобы все, кто сознал зло, которое творится сейчас в движении, отказались принимать участие в спорах и дрязгах, не обращая внимания на все злостные выпады мнящих себя жрецами анархизма.

У Толстого есть рассказ о двух мужиках, которые спешили по делам и, которые, встретившись на перекладине через ручей, ни за что не хотели уступить один другому, так как каждый считал, что нужно ему скорее пройти. Так они проспорили порядочное время, пока третий мужик им не указал, что тот, кому спешнее нужно пройти, пусть уступит дорогу.

Так оно сейчас происходит и с анархистами. Кто действительно заинтересован в анархической пропаганде среди человеческих масс, пусть уступит дорогу и оставит в покое спорщиков, и тогда скорее можно будет прийти к желанной цели. Пусть те, кому дорог анархизм и человеческий идеал всеобщего благополучия и свободы, идут своей дорогой, предоставив тем, кто этого желает, сыпать горячие фразы, грязнить и унижать несогласных с ними. И скоро вокруг этих спорщиков образуется пустота, и они или уйдут из движения, или осознают свои ошибки и отдадутся пропаганде идей анархизма и борьбе с существующим злом.

Но уступать нужно и должно только в том, что вредит движению. Не обращать внимания на личные оскорбления, не отвечать на злостные выпады и обходить мелочные дискуссии и споры о вопросах, не играющих принципиальной роли. Но зато необходимо быть непоколебимым во всем, что касается основных принципов анархизма. В таких случаях, когда вопрос идет об основах идей, нужно и должно дискуссировать и отстаивать сущность ее, но предоставляя каждой личности и каждой группе иметь свое собственное суждение, свои собственные понимания и свои методы пропаганды и приложения их в жизнь.

Неважно, если кто иногда ошибается, или по своему понимает идею. Наоборот, необходимо, чтобы каждый мог свободно обсуждать и выражать. Необходимо, что бы идеи воспринимались добровольно и практиковались свободно. И чтобы никто не имея права принудить других мыслить и действовать не по своей воле. Ибо это находится в противоречии с основными принципами свободы.

В политических партиях, построенных по образцу современного общества, человек пользуется правом мыслить, но ему запрещается выражать то, что он думает, и еще меньше практиковать это.

В некоторых анархических или анархиствующих группировках человек вправе мыслить и высказывать свои мысли свободно. Действовать же должен в согла-

сии с мнением той группировки, к которой он принадлежит.

Но в истинно анархических группировках признается за каждым членом ее право на свободу думать, высказывать и практиковать свои мысли и понятия.

Что важно, это — чтобы люди в анархическом движении уважали себя, были терпимы друг к другу и искали бы друг в друге то, что им общее, то что их может об'единить в их общих стремлениях и каждый старался бы учиться на возможных разногласиях ,обсуждая и разбирая вопросы, но избегая и отбрасывая все вопросы личного характера. Тогда и только тогда анархическое движение примет должное направление, будет полезно для ее работников и даст нужные для идеи плоды. Ибо сея ветры—можно пожинать только бури, а сея дрязги и раздоры — только споры и личные столкновения.

Когда над интересами личными или групповыми будут довлеть интересы анархизма, между анархистами воцарится согласие и истинное единение в общей работе по засеву нового общественного строя. И все усилия анархистов будут направлены на борьбу с существующим злом и на внедрение в сознание людей анархического понимания основ индивидуальной и общественной жизни.

Все анархисты согласны, что необходимо об'единить анархистов в их общей борьбе с существующим общественным строем и за новое лучшее будущее. Но этого невозможно будет достигнуть, пока не изживется внутренняя борьба за мелкие личные и групповые интересы, пока интересы анархизма и человечества не станут базой активности анархистов и среди них не укрепится терпимость и уважение к каждой человеческой личности.

Над интересами группы должны быть поставлены интересы анархизма, уважение и любовь к каждому человеку должны заменить существующие сейчас ненависть и взаимную нетерпимость, если анархисты действительно желают, чтобы анархизм продолжал быть движением свободническим и служил бы безкорыстно и честно интересам людей и всего человечества.

Необходимо, чтобы все те, кто честно чувствуют все зло, которое творится в движении, об'единились и положили начало новым взаимоотношениям между анархистами и практиковали бы терпимость, уважение и взаимную солидарность, служа, таким образом, практическим примером, — как должен вести себя человек в анархическом движении. Показать практически как анархист должен обсуждать, дискуссировать идеи, и как он может и должен игнорировать все личные выпады, споры и дрязги.

АНАТОЛИЙ ГОРЕЛИК.

Буэнос Айрес.

УГНЕТЕННЫЕ

Вас, угнетенные, вас, оскорбленные,
Вас, на житейском пиру обойденные.
Всех, кому жизнь была мачехой злой,
Песней призывной зову я на бой!
Стройте отряды свои боевые,
Цепи сбивайте рабов вековые,
С знаменем черным в могучих руках,
С жаждой свободы в отважных сердцах!
Выступим в бой с вековым врагом,
Счастье свое завоюем мы сами,
Рабства всех видов разрушим строй,
Свободные люди с свободной душой.
В мир мы выйдем, где свет солнца свободы
Братством спаяет в одно все народы,
И над веками страдавшей землей,
Наступит анархии век золотой!

И. ЛАПИН.

М. П. САЖИН.

Поездка в Герцеговину

(АВГУСТ 1875 ГОДА)

Летом 1875 года, живя в Париже, я как-то прочел в газетах, что в Герцеговине, в округе Невезьенья, вспыхнуло восстание славян-герцеговинцев против турок. Среди парижских студентов было несколько человек южных славян: сербов, болгар, босняков, с которыми у меня были знакомства и дружественные отношения. При встрече с ними я узнал, что кое-кто из них собирается ехать на Балканский полуостров в виду восстания там, что борьба идет за независимость и свободу страны, что, конечно, борьба эта политическая, но что она очень легко может перейти в социальную.

В то время я очень интересовался всем, что касается партизанской войны: усердно штудировал книгу нашего партизана двенадцатого года Дениса Давыдова, мемуары итальянского бандита Гаспарони, много лет воевавшего с жандармами и солдатами в Абруцах, и другие такие же сочинения. Но это все было книжное изучение, а в действительности, на практике, до сих пор не представлялось случая принять участие в ней. В Испании карлисты вели тогда борьбу за восстановление престола Карла испанского, но, конечно, меня не влекло туда, хотя партизанская война там была настоящая и, так сказать, образцовая. И вот теперь представляется случай, где, как мне казалось, вполне возможно принять участие и поучиться ведению партизанской войны. Я решился ехать в Герцеговину и в то же время привлечь своих друзей, живущих в России, к этой поездке. Написал два письма: одно в Киев к Вл. Дебагорию-Мокриевичу, а другое в Одессу к Габелю, убеждая их участвовать в этой войне, «понюхать пороху».

В Париже тогда жил Кравчинский, с которым я очень близко сошелся и подружился. Несмотря на то, что он написал и только-что выпустил свою «Мудрицу Наумовну» (по Марксу), а также ездил в Лондон к П. Л. Лаврову, он примкнул к нам, бакунистам, и стал горячим противником последнего (П. Л. Лаврова). Убеждать его ехать в Герцеговину пришлось недолго: он прекрасно понимал, что русским революционерам не избежать открытой вооруженной борьбы с существующим порядком в очень недалеком будущем и что, следовательно, надо готовиться к ней. И вот теперь представляется случай, где можно поучиться многому.

Итак, решили ехать, при чем я избрал путь через Швейцарию, рассчитывая повидаться с Бакуниным, который тогда жил в Лугано, а Кравчинский поехал через северную Италию, где намерен был видеться с женою Волховского, с которою он был очень дружен. Местом встречи был нами назначен гор. Загреб (Аграм).

В Лугано я прожил дня два у Бакунина, жена которого в это время была в Неаполе (я с ней был не в ладах и избегал встречи, о чем хорошо знал Бакунин). Поездку мою он одобрил, хотя прибавлял, что у братьев славян в таких делах бывает много преувеличений. Из его рассказов узнал, что у него частенько бывают старые друзья итальянцы, испанцы, французы, делами которых он очень живо продолжает интересоваться.

В Аграм я приехал к условленному сроку, но Кравчинского там не нашел. В комитете по делам восстания в Герцеговине никто ничего не слыхал о нем. Мой приезд, как первого русского, вызвал некоторую сенсацию: меня задержали там, не отправили с первою очередною партией и пожелали поближе познакомиться со мною. В первый же день у меня перебывало несколько человек из местных членов комитета, а затем пригласили меня на обед, который они предположили устроить по случаю моего приезда. Так как я решительно запротестовал против всякой официальности и торжественности, то обед был в частной квартире и в присутствии не больше 5—6 человек

Из Аграма нас, волонтеров, направляли в Триест, где на дебаркадере встречал агент и провожал нас на пароход, идущий в Катаро. При посадке на пароход он же отбирал от нас оружие, — если таковое у кого-либо находилось, сообщая при этом, что оно будет нам возвращено в Катаро. Делалось это в виду того, что иногда австрийская полиция делала внезапные обыски на пароходе, зная наперед, что едут волонтеры в Герцеговину, хотя это делалось больше формально для очистки совести, как я потом в этом убедился: и полиция и таможенные власти относились сочувственно к восстанию герцеговинцев.

Третий класс небольшого морского парохода был полон и среди пассажиров было несколько человек волонтеров, из которых большинство высадилось в Рагузе, а нас четверо отправились в Катаро. Так как здесь предстояло прожить дня два-три по случаю перехода комитета в Кастель-Ново, расположенного на самой турецкой границе, то я с товарищами захотели посмотреть на столицу Черногории Цетинье, находившуюся высоко в горах в расстоянии нескольких часов пути пешком. Через два дня мы были уже снова в Катаро, откуда нас переотправили в Кастель-Ново, тоже в заливе Катаро.

Явившись в комитет Кастель-Ново, нас тотчас же распределили по частям, и я попал в иностранный легион, которым командовал сербский генерал Любибратич. Тут я встретил несколько гарибальдийцев-итальянцев и других иностранцев, а также славян, среди которых нашелся один знакомый студент (босяк) Цюрихского университета — Андреевич, с которым я не расставался все время моего там пребывания.

Розыски мои Кравчинского здесь оказались тоже безуспешными, не было никаких следов его пребывания. Отобранное оружие в Триесте здесь нам возвратили, а у кого не было никакого, тем выдали кое-какое. Вообще, вооружение всех было самое разнокалиберное, а у настоящих герцеговинцев были даже кремневые ружья.

Жизнь здесь была бивуачная, походная: ели, спали, где и как придется, ничего организованного не было; всякий принужден был сам о себе заботиться. Что касается одежды, то всем рекомендовалось сбросить с себя европейские костюмы и одеться в герцеговинские, что нами было исполнено вполне охотно и быстро, так как в Кастель-Ново было несколько лавчонок, где вся эта амуниция продавалась очень недорого, потому что вся она была местного кустарного производства.

Никаких военных упражнений мы не делали, но в течение первой же недели нас по несколько человек отправили на рекогносцировки; в моей партии было шесть человек во главе с опытным местным воином-герцеговинцем. Вся эта экспедиция продолжалась дня три; обследовали мы довольно значительный район; видели кое-где части регулярных турецких войск, которые обыкновенно были расположены внизу в долинах, а мы все время карабкались по скалам гор, иногда без всяких тропинок. Однажды наткнулись на турецкий пикет, который обстрелял нас, собственно нашего вожатого. Он тотчас же приказал нам удирать, и мы таким образом без ответных выстрелов быстро удалились. Отправляясь из Кастель-Ново, нам в дорогу дали только по несколько галет и посоветовали взят хоть понемногу ракии (водка местного производства), которую подмешивали к воде. Дело в том, что вода в горах была только в небольших озерах, около которых паслись стада баранов. Бараны обычно заходили в эти озерки, пили воду и в то же время грязнили ее, так что люди, прежде чем пить воду, процеживали ее через вдвое сложенный платок и подбавляли к ней немного ракии, а иначе невозможно было пить. Заходили иногда в деревни, но только населенные герцеговинцами,а не турками, где доставали сыр. Вообще наше питание в первые два дня было плоховато, и очень чувствовалась пустота в желудке. Только в последний день, уже на возвратном пути, наш проводник достал где-то неболь-

шего барашка, которого мы все с'ели дочиста и зараз. После этой трапезы направились в Кастель-Ново, куда и пришли поздно вечером. Мы вернулись последними, а другие пришли раньше нас.

Вскоре после нашего возвращения стали говорить, что подготовляется общее выступление из Кастель-Ново, и действительно, как-то в одно утро нам снова раздали галеты и приказали готовиться к походу в горы. Так как граница между австрийскими владениями и турецкими около Кастель - Ново охранялась только австрийцами, а турки с начала восстания очистили границу, то переход через границу был довольно легок: австрийцы смотрели на это сквозь пальцы, но повстанцы все-таки соблюдали некоторую видимость, и переходили ее небольшими партиями и в укромных местах, по возможности вечером и по ночам. Наш легион выступил под вечер, а на место ночевки мы пришли далеко заполночь и все время карабкались по камням гор и кажется шли без дороги. Пришли настолько усталые, что прямо валились на землю и засыпали, как убитые. Под утро меня разбудили и с товарищем поставили где-то в караул. Было еще темно, спать страшно хотелось и я все время в полусонном состоянии толкался на месте, чтобы только не заснуть и отстоять свою очередь. На утро нам пригнали баранов, которых тотчас же освежевали и начали жарить на разложенных кострах. Как только окончили еду, тотчас же снова двинулись в путь и к вечеру пришли к месту назначения, где уже собралось очень много людей. Всего в этой экспедиции, как потом я узнал, собралось до двух тысяч воинов. Место сбора представляло огромнейшую котловину в горах, в разных местах которой отдельными группами по племенам расположились повстанцы. Наш легион тоже занял отведенный нам участок. Турки находились от нас недалеко, в нескольких верстах, но внизу у подошвы гор. Они занимали блокгауз, т. е. небольшую деревянную казарму, окруженную частоколом из толстых бревен, которая была выстроена у самой дороги, идущей от главного города округа Требинья вглубь страны. В блокгаузе этом, охраняющем дорогу, находилось не более сотни турецких солдат. Нам предстояло взять его и таким образом отрезать Требинью и в будущем занять и ее.

Во время пребывания в этом лагере, кажется, на третий день составилась партия из пяти человек, в которую вошел и я, и отправилась за провизией в ближайшую деревню, расположенную внизу у подошвы гор и в стороне от большой дороги, охраняемой турками. Мы спустились с горы местами по тропинке, местами прямо без дорожки. Закупив хлеба и сыру, мы стали возвращаться, когда начало смеркаться, и по дороге я как-то отстал от товарищей и совсем потерял направление, по которому следовало итти к лагерю. Проплутал всю ночь, карабкаясь по камням и все время находясь на-стороже, чтобы не попасть к туркам. Утром из лагеря отправили меня разыскивать, ну, конечно, нашли и привели на стоянку.

Бродя по лагерю, я как-то натолкнулся на такую сцену: на земле сидело несколько человек герцеговинцев или черногорцев почтенного возраста, как оказалось, старшин, главарей, а перед ними стояло три молодых рослых вооруженных человека, при чем у каждого из них в руках находилось по небольшой связке нанизанных на веревочках, как мне казалось, грибов. Сосед на мои вопросы об'яснил мне, что это недавно пришедшие «юнаки», герои, и что на веревочках не грибы, а отрезанные турецкие носы, которые служат вещественным доказательством убитых турок-солдат или же мирных жителей, попавшихся им в теперешнее смутное время.

Наконец нам стало известно, что завтра с раннего утра, еще до света, все должны будут занять назначенные им места для нападения на кулу (блокгауз). Действительно, так и было сделано, и когда совсем рассвело, все были уже на местах, но турки никого из нас не могли видеть потому, что все мы скрывались за камнями. По данному сигналу начался обстрел укрепления; турки очень скоро и очень

живо отвечали. Они стреляли из бойниц казармы и палисада и стреляли очень метко: достаточно было выставить на шомполе шапку, чтобы ее пронизали две-три пули. Мы занимали огромную поверхность склона гор, который быстро покрылся дымом от выстрелов чуть не двух тысяч ружей. Стрельба продолжалась уже несколько часов, как вдруг с нашей стороны раздался пушечный выстрел, в ответ на который раздался с гор могучий возглас ура! ура! К сожалению, только одним выстрелом ограничились.

У герцеговинцев оказалось маленькое горное орудие, которое много лет пролежало закопанным в змле: сберегалось от турок и для турок; нашелся один серб, который служил в русской армии артиллеристом на Кавказе. Вот он-то установил пушку на сложенном из камней бруствере, зарядил ее с дула, прицелился и выстрелил. Пушку от выстрела сбросило с бруствера, и когда ее вновь установили на место и солдат стал ее наводить для нового выстрела, турецкая пуля угодила в его лоб и положила его на месте. Другого артиллериста не нашлось. После этого случая перестрелка постепенно стала затихать и часам к 4—5 совершенно прекратилась. Гарибальдийцы - итальянцы предлагали попытаться взять кулу открытой силой, но получили отказ в виду неизбежной крупной потери людьми. В нашем отряде и в соседнем с нами не было ни убитых, ни раненых; в других же отрядах, кажется, кое-где были раненые, хотя об этом мы достоверно не знали, но и знать не могли.

Отдан был приказ отступать и собраться на место нашей лагерной стоянки, где однако оставались недолго, а, разбившись на небольшие группы, человек по 12-15, пошли по направлению к Кастель-Ново. Так было с нашим иностранным легионом, а другие пошли по другим направлениям, но здесь никого не осталось, все разошлись. Попытка взять кулу вполне не удалась.

В виду общей усталости, утомленности, мы ушли недалеко от лагерной стоянки и расположились на ночевку. Впереди шла группа итальянцев - гарибальдийцев человек 7—8, так и на ночевке было, что первые были они, затем наша группа, а с боку между нами и итальянцами, одиннадцать человек герцеговинцев во главе с попом, за нами шла группа сербов, человек двадцать и т. д., но во всяком случае всех возвращавшихся к Кастель-Ново было не больше 100-150 человек. Утром, когда мы поднялись ни итальянцев, ни соседей герцеговинцев уже не было, все они ушли. Приведя себя в порядок после сна и закусивши галетами и сыром, двинулись и мы, а затем вскоре после нас и сербы. Шли мы ущельем и, пройдя с час времени, по нас вдруг раздались выстрелы с горы, в виду чего наш передовой крикнул нам немедленно лечь за камни и начать стрелять по нападающим. Очень скоро нас нагнали сербы и тоже начали стрелять по горе. Мы видели очень скоро, что нападающие были те самые герцеговинцы с попом во главе, которые вместе с нами нападали на кулу, затем с нами спали на ночевке, а теперь учинили нападение на нас. Видя неудачу, они быстро стали отступать и скоро совсем скрылись из наших глаз. Дальше мы шли тесной группой с сербами вплоть до Кастель-Ново, где тотчас же узнали, что итальянцы тоже подверглись нападению, были ограблены, раздеты и оставлены в одном белье этими же самыми разбойниками-герцеговинцами под предводительством попа. На наше заявление об этом инциденте комитету и нашему командиру Любибратичу с требованием военного суда над грабителями нам было обещано удовлетворение нашей просьбы, а затем через несколько дней стали убеждать бросить это дело. Я не знаю, чем оно кончилось.

Возвращаясь из лагеря, почти перед самым Кастель-Ново, мы увидели издали едущего на осле человека в европейском костюме. Осла в поводу вел провожатый местный житель. Когда мы сблизились, то я, к немалому моему удивлению, в вер-

ховом узнал Сергея Кравчинского, который тотчас же об'яснил мне, что он ехал для розысков меня с целью присоединиться к нам. После короткого разоговора и раз'яснения ему положения дел, конечно, он присоединился к нам, чтобы вернуться в Кастель-Ново. Я уже говорил выше, что сюда возвращалось очень мало сравнительно с тем числом людей, которое было при отправке их в поход. Это об'яснили мне тем, что осенняя кампания, по всей вероятности, уже кончилась и что война может снова начаться только с весны, хотя не исключалась возможность и еще какого нибудь столкновения с турками. Во всяком случае положение было таково, что до весны в горах вести борьбу очень тяжело и затруднительно. Для меня и Кравчинского тоже встал вопрос, что делать, оставаться здесь до весны или же уехать на осень и зиму и вернуться сюда весною. Решили уехать, а затем весною поступить сообразно обстоятельствам. Но к тому времени обстоятельства так сложились, что весною пришлось ехать в Россию.

Перед самым от'ездом в наши руки попала какая-то немецкая газета (последний номер ее), в которой мы прочитали корреспонденцию о том, что вот около Требинья произошло большое сражение с турками, что с обоих сторон было порядочное число убитых и раненых, что турки в конце-концов проиграли битву. Среди нас был пруссак - офицер, который очень возмущался тем, что почему нас держали перед кулой и почему не отправили на место большого сражения, где мы могли бы оказать большую помощь и даже занять город Требинья. Целой гурьбой пошли мы в комитет, чтобы выяснить этот вопрос. Конечно, об'яснение было довольно шумное, и вначале бестолковое пока не выяснилось, что в газете-то писалось именно о нашем сражении и что другой битвы никакой не было, а преувеличения и искажения действительно есть, но описание сражения предназначается ведь для Европы.

Возвращались мы тем же путем, т. е. через Лугано, где я познакомил Кравчинского с Бакуниным, который произвел на него очень большое впечатление, хотя старик был уже не у дел, но тем не менее живо всем интересовался. Он много говорил о тогдашнем революционном движении, о хождении в народ, о положении дел в Европе, словом, был в ударе. Конечно, Кравчинский ему тоже понравился.

Спустя недели полторы в Женеву приехали ко мне шестеро русских, которые вследствие моего письма отправились из Одессы в Герцеговину. Это были Габель, Иван Мокриевич, Енкуватов и др. Они попали в отряд Пеко-Павловича, который уходил на зимние квартиры, окончив осеннюю кампанию. Они совершили очень трудный переход в горах, где их встретила суровая осенняя погода.

ВЛАСТЬ

Сердце волка, лицо вампира
И змеиная черная пасть,—
Как паук, ты нависла над миром,
О, проклятая, подлая власть!
У тебя ядовитые губы
И плененная ложью душа;
Ты надменна, нахальна и груба,
Кровожадна, труслива и зла.
Я всегда угнетаем тобою,
Я всегда памятую одно:
Власть падет под моею рукою,
Иль растопчет мне сердце мое.
В ожидании победы иль смерти,
Я спешу написать свой завет:
Люди добрые! власти не верьте,
Хуже власти чудовища нет!

АНАТОЛЬ КОНСЕ.

БУДИЛЬНИК МЫСЛИ

(«Ассоциационный анархизм» Л. Черного) 1).

Только справедливость никого не давя, никем не жертвуя, не стесняет свободы проявлений индивидуальности каждого.

Л. Черный.

Люди одарены природой разнообразнейшими характерами, умами и стремятся в жизни к разным целям, в силу чего их литературное творчество выливается в самые разнообразнейшие формы.

Если книгу пишет жадный богач, живущий кровью, муками темных, забитых и запуганных людей, то он всеми силами будет стараться писать так, чтобы его писание затемняло его подданных и способствовало его дальнейшему царствованию на земле.

Если природа по ошибке одарила писательским талантом какого нибудь военного, религиозного или социалистического самодура, то в 99-ти случаях из ста, первый будет прикрывать ужасы массово-кровавой войны, поощрять убийство и разрушение, второй будет стараться окропить ароматным запахом смердящую религиозную язву, а третий, до хрипоты в горле, будет доказывать, что для счастья людей на земле необходима злополучная диктатура пролетариата, Чека,с ее кошмарными застенками, 27-ю категориями труда и бесконечное число других ядовитых, колющих и смердящих цветов социалистического поля.

Если же книга пишется человеком идейным, честным, отзывчивым, всей силой своей души жаждущим красивой и свободной жизни не только для себя, но и для всего человечества, то эта книга будет мощным будильником спящих людей, закованных в ржавые цепи рабства. Такая книга будет беспощадно бичевать зло, обличать неправду и обман, а на ряду с этим она будет звать людей в грядущий мир свободы и радости, будет поощрять их к самостоятельным мыслям, поступкам и неустанно твердить им о том, что так жить, как теперь живется, невозможно, что в жизни не должно быть ни царей, ни президентов, ни комиссаров, ни повелевающих, ни повинующихся, ни безумной роскоши, ни беспросветной нужды.

Короче говоря, такая книга будет звать людей и указывать им путь к наивысшему и наичистейшему идеалу Безвластия, приближение к которому устранит неестественные страдания людей, насилие человека над человеком, нужду, голод и преисполнит их жизнь радостью, счастьем и ничем нестесняемой свободой.

Таких книг уже имеется много и к их числу прибавилась еще одна книга Льва Черного — «Ассоциационный анархизм».

Как идейный и честный революционер — анархист Л. Черный приложил все силы своего таланта, и отдал всю жизнь на борьбу со злом, неправдой, насилием, темнотой и, насколько мог, неустанно звал людей к лучезарному солнцу — Анархии, огонь которого с каждым днем усиливается, разгорается и властно зовет под свои ласкающие лучи тепла, свободы и счастья.

В своей книге «Ассоциационный анархизм» Л. Черный подвергает критике весь современный уклад жизни и рисует наглядную картину будущего свободного строя жизни.

Критика автора, главным образом, направлена против государственной власти, как капиталистической, так и социалистической, демократической и коммунистической.

«Государство, пишет автор, — это навязывание воли, командирство. «Свободное» демократическое государство еще противнее всякого другого. Оно лишь при-

---

1) Издание Рабочего Союза Самообразования гор. Нью Иорка, 1933 г., стр. 389. Цена 1 дол. 25 центов, а теперь федерация «Пробуждения» продает по 75 ц.

крывается свободой, но в действительности, оно душит ее в своих холодных об'ятиях.

«Со времени революции «народ» у власти — и — о, ужас! — тирания не перестает свирепствовать... Нагайки свищут, палачи ведут свою работу, виселицы исправно получают свою пищу, законы душат свободу угнетенных классов.

«Прочь, прочь же мерзкое животное, двуедушная тварь! Я не дам пожрать себя, не смей прикрываться святым именем свободы. В тебе я вижу низкого раба, убившего своего господина и занявшего его место. Вместо того, чтобы освободить своих братьев, ты, надев корону, облачившись в порфиру, взяло в руки бразды правления: кнут, нагайку и законы».

Касаясь коммунистической формы общежития автор говорит:

«Коммунизм, это безусловное презрение к себе и какая-то вакханалия авторитарности: это—превращение людей в рабов всемогущего общества или государства, распоряжающихся с неограниченным произволом. Коммунизм это — режим казарм и громадный дом терпимости. Коммунизм — поглощение человеческой личности, стойло и господство общественного мнения. Коммунизм это — превращение человеков в моллюсков, в улиток, насаженных одна возле другой на скале братства».

Подвергая беспощадной критике капиталистическое, демократическое государство и коммунизм, автор выдвигает новую форму жизни: ассоциационные союзы, основанные на двух принципах: «свободном договоре» и «не вреди».

Чтобы возможно ярче нарисовать картину будущей жизни людей, ассоциационеров, автор старается найти такой тип отношений между людьми, «при котором ты не будешь господином и другого не сделаешь рабом».

В поисках этого нового типа людских отношений Л. Черный оформляет новую науку «Социометрию», дело которой «своим анализом превратить смутные и неясные идеи о свободе, равенстве, эгоизме в стройное миросозерцание и, таким образом, представить все мыслимые строи какие только могут возникнуть и сложиться между людьми». На основании этой новой науки автор сводит многообразные типы людских отношений к трем:

«Во-первых, один человек в своих отношениях к другому может стать в отношения подчинения другому, т. е. такое отношение, когда он морально, политически и экономически будет порабощаться другим; другой будет всем, а подчиняющийся ничем.

«Во-вторых, один человек по отношению к другому может стать в отношение господства — тогда он сам будет считать другого ничем, ставить ни во что, сделает его своим рабом во всех сферах отношений.

«Или, наконец, в-третьих, один человек может стать в такое отношение, что личность другого будет ценна для него, точно так же как и своя собственность, в такие отношения, что он не поработит чужой личности, но и своей не даст в обиду».

«Сообразно трем типам отношений существует и три типа соединений: властное, подданническое или вассальное и свободное.

«А потому люди, вступая друг с другом в сношения, могут, или подобно баранам, отказавшись от инициативы и самоопределения, бежать под властную руку диктатора, или самим сделаться тиранами и прочих людей механизировать и организовывать, распределять и классифицировать, или, презирая баранов, и игнорируя цезарей, честно протянуть друг другу руки и договорятся о будущем способе производства, как равноправные товарищи».

Первые два отношения подвергаются автором критике, а на третьем сосредоточивается его внимание.

«Только в договоре одна личность уважает другую, только в договоре пропадает всякая власть и подданство, а действуют только простые люди и товарищи, ибо в договоре я не являюсь ни начальником, ни подчиненным, ибо в договоре я не по-

велеваю, ни командую, но и не играю роль простого материала в руках других».

Как уже было сказано выше, контуры будущего строя, намеченные автортом, положены на крепкий фундамент «свободного договора» и «не вреди». Вся теория будущей жизни насквозь пропитана этими двумя принципами.

В виду того, что «каждый инвид представляет из себя своеобразную фигуру в мире воли, ума и страстей, в среде религиозной, политической, моральной и житейской» теория Л. Черного построена так, чтобы личность человека не была стеснена и пользовалась бы полной свободой, с тем условием, чтобы свобода одной личности не причиняла вреда другой. По мнению автора, это будет достигнуто при помощи свободных ассоциаций.

«Ассоциационное производство — мать всех свобод. Индивид, вступая в те или другие ассоциации, располагая своим трудом, может удовлетворить свои потребности, какие хочет... Отсюда полная свобода в удовлетворении желаний. Ничьи вкусы не будут подавлены. Благодаря ассоциационному производству, анархизм уничтожает эксплоатацию — и каждый получает то, что он отнял у природы. Благодаря ассоциационному производству, анархизм дает громадные экономические выгоды индивидам. Благодаря ассоциационному производству создается бодрый, сильный дух, будящий инициативу и творчество. Благодаря ассоциационному производству пропадают чиновники, иерархия — и рабочий, свободно дыша, превращается в товарища. Фабрика делается ареной удовольствия. Благодаря ассоциационному производству, из сферы обращения улетучиваются разные паразиты: торговцы и проще пауки.

«Благодаря ассоциационному производству, анархизм в политической сфере дает полную свободу индивиду: свободу мысли и свободу действия, превращая ассоционера из подданного в равноправного. Благодаря ассоциационному производству, в нравственной сфере из индивида вырабатывается гордый, независимый, непокорный человек.

Благодаря ассоциационному производству, индивид впервые получает возможность любить и быть любимым, а не быть об'ектом спаривания в руках чиновников. Благодаря ассоциационному производству, индивид вечно гарантирует себе защиту от разных несчастий, прогнав к черту разных благотворителей и милосердных».

Вот в самых кратких чертах, взгляд Льва Черного на строй жизни, в туманной дали грядущего. В книге встречается бесконечное число глубоких и ярких мыслей, но встречаются и такие, с которыми согласится не всякий, но тем не менее книга Л. Черного очень ценна для каждого трудящегося человека, стремящегося к лучшей жизни.

Всяк, чья душа не может мириться с существующим строем жизни, выросшей на воплях, костях и крови людей, всяк, чье сердце до боли сжимает кошмар капитализма; всяк, кого прельщает мерцающий вдали, лучезарный свет Анархии — в книге Л. Черного найдет много ответов на тревожащие мысль вопросы.

Книга Л. Черного — будильник мысли.

А. СЛИПАЧУК.

ЖЕЛАННОЕ

Разве нужно воспеть Революцию?
Разве нужно солнце воспеть?
Ведь и так золотые лучи его
Будут вечно в небе гореть.
Разве нужно кричать о Свободе,
Когда в рабстве измучены мы,
Когда все племена и народы
Носят жажду Свободы в груди.
Разве нужно сказать об Анархии,
Что она нашей жизни мечта?
Ведь и так мы с надеждою жаркою
Ждем, чтобы мир посетила она.

АНАТОЛЬ КОНСЕ.

О ТОВАРИЩЕСТВЕ

Слово товарищ отображает идейное единство, духовное сходство, взаимную симпатию, дружбу, увлечение и привязанность душевную между людьми, которые мыслят одинаково и работают совместно для общего дела.

К великому сожалению это слово в настоящее время не соответствует своему действительному содержанию. И часто встречаешь людей называющих других товарищами, а в действительности, они ничего общего с идеями не имеют, а часто даже враждебны или даже вредны.

Этим словом вообще всегда злоупотребляли, злоупотребляют им и теперь. И было бы крайне необходимо, чтобы в революционных и идейных кругах был положен конец злоупотреблению словом товарищ. Оно не должно было бы употребляться при всяком нужном и ненужном случае, как это делается теперь.

Кто только захочет подает анархисту руку и приветствует его словом товарищ: и этого часто достаточно, чтобы он считал себя анархистом и участником в общей борьбе за осуществление анархических идей.

Но такие люди не только часто ничего бщего с идеями не имеют, но наоборот, бывают их злейшими врагами, а то и предателями. Они очень легко втираются в доверие многих товарищей, знают все происходящее в движении, и при первом удобном случае способны повредить движению.

Многие часто изумляются — откуда это сыплются такие удары на анархистическое движение. И как это все что делается в любой группе известно всем и часто даже полиции. По большей части это дело рук этих «товарищей», которые втерлись в доверие, всюду бывают, все знают и перед всеми и обо всем хвастаются.

Прекрасно чувствовать пожатие руки товарища и практиковать взаимную солидарность. Больно не доверять любому человеку, называющему тебя товарищем.

Но действительность показывает, что не всякий, называющий тебя товарищем, есть им в действительности. И предпочтительнее иногда уже слушать слово господин от буржуа, чем товарищ от таких друзей.

Недоверие есть зло, несомненное зло. Но и доверие не всегда — рационально. Потому что слишком много завелось в последнее время людей, называющих вас товарищами, когда в действительности они — злейшие враги ваших идей и вас самих. Чтобы отличить этих лживых товарищей от дейтвительных товарищей, плохих от хороших, нужно иметь тонкий нюх, сметливость и большой опыт.

Узнать товарища легче всего по его делам. Особенно хорошо его можно узнать, когда вы находитесь в трудном положении. Когда вы в нем не нуждаетесь, он всегда около вас, и вы от него не отвяжетесь. Но если вы попали хотя бы в маленькую беду, вы на него ни в чем не можете расчитывать.

Поддерживать сношения с такими товарищами часто бывает большое несчастье. Они не отстают от вас ни на минуту и следуют за вами повсюду, но не потому, что вам симпатизируют, а потому только, что не знают на что употребить свое время.

Что такие люди делают, никто не знает, никогда знать не будет. Они веч но вертятся около вас, и вы можете им сколько угодно доказывать, что вам ваше время дорого, они все равно вас ни на один шаг не оставят.

Чего они хотят тоже неизвестно. Да часто они этого и сами не знают. Они вертятся в идейных кругах потому, что по большей части попали туда по какой нибудь случайности.

Но так-же вертелись бы и в реакционных кругах, если бы попали туда. С многими из них было бы лучше вообще не встречаться. Они только компрометируют идейных товарищей. И часто только и ищут как бы влезть в интимную жизнь

кого нибудь и покопаться в каком нибудь грязном деле.

Некоторые из них просто ведут себя как шпики. Следят за вами, копаются в вашей жизни, и рады когда могут раскрыть что нибудь грязное или пошлое.

Вся их активность заключается в том, чтобы грязнить и поносить более активных, идейных товарищей. А часто даже бывает, что эти ревнивые охранители идей оказываются их злейшими врагами, а то просто полицейскими агентами. И вы можете считать себя счастливым, если, принимая в чем нибудь участие, вас не взяли. Если же дело идет о каком нибудь серьезном предприятии, вы можете быть уверены, что вы никого из таких товарищей не увидите.

Такие товарищи, если они даже и не полицейские агенты, крайне опасны и вредны. Они готовы разболтать любое предприятие для того только, чтобы показать свою активность. Они лезут всюду, и все знают, и благодаря их бахвальству, все об этом знают.

Сколько провалов, сколько товарищей похоронено заживо в тюремным застенках благодаря активности и болтовне таких товарищей. Но еще хуже то, что вы на них ни в чем полагаться не можете, и при малейшей опасности для них лично, они выдадут вас и все, чтобы выгородить себя из беды. Это люди, идейно не определившиеся, морально неустойчивы, а часто даже просто безнравственны и беспринципны.

Вообще, словом товарищ сейчас часто злоупотребляют. Называют им встречного и поперечного. Любого, кто высказывает недовольство своим временным положением, зачисляют в товарищи по идее, хотя в действительности этот человек самый злейший враг этих идей, и при первой возможности, готов превратиться в палача своих товарищей. Часто еще только потому, что один вынужден работать физически, чтобы заработать на существование, он считает себя вправе поносить всех и вся, и вмешиваться во все явления идейного движения.

Такие люди, часто монархисты, а то и просто черносотенцы, доходят до того, что заполняют идейную прессу своими грязными писаниями и отравляют своим ядом все движение. Таких людей идеи никогда не интересовали. Их интересует только узнать, огрязнить какого нибудь товарища, который им не по душе.

Дискуссировать идеи, обсуждать тактику и методы, разбирать явления, происходящие в идейном движении, и нужно и полезно. Но дискуссировать и обсуждать идеи и явления одна вещь, а грязнить и гадить товарища — вещь совсем другая. Оно и безполезно и вредно. И помимо этого разлагает движение и деморализует товарищей.

Основа идейной активности лежит в товарищеских связях и отношениях между приверженцами одной и той же идеи. К великому сожалению, это товарищество очень мало развито в настоящее время в идейных группировках. Наоборот, существует какое то недоверие между приверженцами данной идеи, только потому, что расходятся в каких нибудь мелочах, или потому, что расходятся в понимании форм будущего общества; потому что один, например, анархист — коммунист, другой анархист — индивидуалист, а третий анархист — синдикалист.

Многие из этих идейных товарищей хорошо знают друг друга, но между ними не существует взаимного доверия. Каждый прячется один от другого, наблюдает друг за другом, за его мыслью, за его чувствами, за его средствами для существования. И все это благодаря недоверию, посеянному «товарищами», для которых личные интересы стоят над интересами идейными и общечеловеческими.

Эти элементы разложили движение и деморализовали товарищей. И часто видишь группы, которые всю свою активность направляют не против существующих зол, а против своих же товарищей, доходя до полного противоречия со своими собственными идеями. Они борются против всякой инициативы, которая не от них исходит и обходят все прекрасное, хо-

рошее и полезное, только потому, что это делается не ими, а другими.

Вместо того, чтобы под влиянием идеала стать лучшими, более честными и высоко - нравственными, многие часто отдают все свое время и все свои способности на оскорбление друг друга, на взаимное недоверие, на взаимную зависть, скрывая друг от друга свои хорошие мысли и чувства.

Вместо того, чтобы подать друг другу руки и вместе пойти на борьбу с существующим злом, они отдаются братоубийственной борьбе за преобладание и за влияние в движении.

В жизни имеется столько места для активности, имеется возможность для такой безграничной и крайне полезной деятельности, что каждому хватило бы поля для инициативы и полезной работы, но эти товарищи так ослеплены своей взаимной борьбой и взаимными распрями, что этого не видят или не хотят видеть.

Другие просто вводят политику в идейную среду. Критикуют всех и вся, всех оскорбляют и на всех нападают. Их тирания просто часто непереносима.

Дискуссировать с этими товарищами невозможно. Они считают себя избранными и безгрешными и не желают считаться ни с кем и ни с чем. Их авторитаризм безграничен. Они никого не уважают и считаются только с самими собой, и для того, чтобы утвердить свою личность и свою волю готовы извратить идеи и погубить движение.

Имеются многие группы, которые проявляют большую активность и могли бы сделать много полезного для движения, если бы в их рядах не было таких безрассудных товарищей, которые интересы личные и интересы группы ставят над интересами идейными и всего движения. Таковые, каковы они сейчас, они приносят только вред, зло и себе и движению.

Безотносительно к тому—рабочие ли они или интеллигенты, такие товарищи делают ужасную работу, сеют клевету, недоверие, зависть, ненависть, разногласия, дрязги и вражду, где бы они ни появлялись и что бы они ни делали.

Имеются еще товарищи, непереносимые из за своего педантизма. Эти товарищи хотят, чтобы все обязательно соглашались с ними,брали всерьез их напыщенные знания. Они претендуют на все знайки, когда в действительности почти ничего не знают. Считают себя стоящими выше других, когда в действительности на каждом шагу высказывают свою интеллектуальную, идейную и моральную убогость.

Этот педантизм — страшнейшее зло в идейных кругах. Часто случается, что эти товарищи приходят на лекции, собеседования и собрания с определенной целью дискуссировать неважно о чем и неважно с какими группами. Чтобы они сами чему нибудь хотели научиться, этого опасаться не приходится. Они уверены, что уже знают все и что им уже нечему больше учиться. Они страшно довольны когда им аплодируют и гордятся, если смогли доказать криками и жестикуляциями, что они способны аргументировать и играть словами лучше, чем другие.

Они приходят на собрания с определенной целью мешать, какая бы тема там ни обсуждалась и какие бы вопросы ни разбирались. Замечания делают самые абсурдные, стараясь выставлять себя и свои знания на каждом шагу. А если видят, что это не действует, начинают засыпать грязью какого нибудь товарища, и стараются вызвать скандал и дрязги. Если же кто осмелится сделать им замечание по поводу их поведения, они не остановятся перед тем, чтобы облить его ушатом помой на страницах какой нибудь газеты, превращая некоторые аргументы идейной пропаганды в простые помойные ямы, отравляющие своими миазмами идейную атмосферу и загаживающие своими грязными изрыганиями все движение.

Не менее пагубны для движения товарищи, об'единяющиеся для взаимного превозношения и их грубые выпады и унижения всех, кто осмеливается сомневаться в их превосходстве. Ни в одном, ни в другом случае о товариществе не может

быть разговора.

Единственная манера положить конец этим явлениям в идейной среде, это воспитание личности, поднятие ее идейного и нравственного уровня, ибо для того, что бы товарищество заняло должное место среди необходимого, чтобы личность была в идейной среде необходимо, чтобы личность была сознательной и идейно выдержанной. Тогда зависть, тщеславие и лицемерство исчезнут сами собой

Для того же, чтобы товарищество заняло должное место в анархических рядах, необходимо, чтобы личность была свободомыслящей, уважала бы личность другого человека, была терпимой к чужим мнениям, была бы более человечной и более высоко нравственно - развитой. Тогда ложное товарищество и фальшивая дружба исчезнут и их место займут братство, взаимное уважение и истинное товарищество.

Никакие проповеди, никакие пустозвонные слова и высокопарные заявления этого положения не изменят. Ибо товарищество требует действий, а не слов!

Анатолий Горелик.

Буэнос-Айрес.

***

Тихо вокруг,
И мир весь об'ят сном покойным.
И только Анархии Пламенный Дух
Все бьется в порыве разбойном.
Спит старый мир,
Спит и тревоги не знает,
А власти жестокой, кровавой кумир
Народы земли угнетает.
Не видит мир,
В своем вековечном покое,
Как власть обижает людские сердца
И топчет их грубо ногою.
Слезы людей
Холодную землю покрыли,
А мы, изнывая под гнетом цепей,
Свободу и счастье зарыли.
Пусть битвы шум
Тревожит все сны вековые,
Возстанемте, братья, и смелой рукой
Разрушимте троны земные.
Пусть власть падет
Во имя свободы и счастья!
В стихийном порыве возставший народ
Проложит дорогу к Безвластью.

Анатоль Консе.

«СВОБОДА»

Желающих читать или распространять анархический журнал «Свобода», на английском языке, просим обращаться по адресу:
"FREEDOM" 9 Wardour St.,
London, W. 1. ENGLAND.

Открыта подписка
НА ЖУРНАЛ
ПРОБУЖДЕНИЕ

Орган Федерации Рабочих Союзов Безвластников Соединенных Штатов и Канады.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

НА ГОД — 1 ДОЛЛАР 75 СЕНТОВ. НА ПОЛГОДА 1 ДОЛЛАР

ПОДПИСКУ, ВСЕ ЗАКАЗЫ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ПРОСЯТ АДРЕСОВАТЬ:

“PROBUZHDENIE“
9219 Russell Street, Detroit, Michigan

ПРОСЬБА К ТОВАРИЩАМ.

Ничте так не оживляет и не связывает читателя с журналом, как различные сообщения с мест о том, что происходит на фабриках, в шахтах, рабочих организациях и т. д.

Реданционная Коллегия “Пробуждения“ просит поэтому товарищей присылать нам краткие сообщения, заметки и корреспонденции об анар хическом и рабочем движении.

Мы также просим, товарищи, вашего содействия по распространению журнала, подысканию новых подписчиков, и об оказании ему вашей моральной и материальной помощи.

Только при дружной товарищеской поддержке журнал сможет выходить регулярно, и выполнять возложенную на него миссию распространения безвластических идей свободы и международного братства людей.

С товарищеским приветом

Редакционная Коллегия.